

Энни
ДАЙВЕР

Заберу тебя,
ДЕВОЧКА

Энни Дайвер

Заберу тебя, девочка

«Литнет»

2025

Дайвер Э.

Заберу тебя, девочка / Э. Дайвер — «Литнет», 2025

Стас — бывший военный, которого уволили со службы из-за ранения. Лишенный в один миг привычной жизни, он соглашается на работу в частном охранном агентстве. Первое задание — сопровождение и безопасность молодой невесты подполковника. Пафосная девица не вызывает в вояке ничего, кроме отторжения, но задача поставлена, и Стасу придется ее выполнить даже ценой собственной жизни. *** — Ты проехал поворот! — оборачиваюсь, провожая взглядом съезд к поселку. — Куда мы едем? Эй, ты слышишь вообще? Куда ты меня везешь? — В безопасное место, — лаконично отвечает мой новоиспеченный охранник, своим спокойствием пугая меня до чертиков. — Мы едем в другую сторону! Что ты задумал? — Чем меньше людей знает, где мы находимся, тем лучше. — Это похищение! Ты в курсе? Я напишу на тебя заявление! Остановись немедленно! — Обязательно напиши. Как только все закончится, — ловлю ядовитую усмешку в зеркале заднего вида и вжимаюсь в сиденье, потому что этот ненормальный вдавливают педаль газа в пол.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	22
8	25
9	27
10	29
11	31
12	33
13	35
14	37
15	40
16	42
17	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

1

— Спасибо за службу, капитан, — командир отряда пожимает мне руку.

Меня сегодня провожают как героя. Я же ощущаю себя никчемным куском дерьма.

— Мы ждем тебя обратно, — кивает на мою ногу. — Но не раньше, чем полностью восстановятся все двигательные функции.

А с этим, надо признать, у меня беда. Два месяца прошло, но нога все так же не разгибается до конца, а к концу дня больно на нее наступать. Я получил ранение во время одного из выездов. Разрыв сухожилия четырехглавой мышцы бедра — диагноз я теперь знаю на зубок, потому что именно он лишил меня привычной жизни.

Я пробыл на больничном максимально допустимые шестьдесят дней. Дальше нужно было либо возвращаться на службу, либо уходить. И, конечно, я рассчитывал на первый вариант, но пришлось следовать второму.

— Да я хоть завтра, Ром. Ты же знаешь, — верчу в руках пачку сигарет. Охота закурить, чтобы хоть немного отвлечься и чем-то себя занять.

Сегодня еще, как назло, тепло и солнечно, и я чувствую себя лишним в этой прекрасной жизни, потому что вокруг меня давно сгустились тучи и осел мрак.

— Знаю, но иногда обстоятельства вынуждают действовать иначе. Воспользуйся перерывом для расстановки приоритетов, — намекает на мою личную жизнь, которая как раз из-за работы и не клеилась. Только никому не нужен инвалид.

Я и с девушкой из-за этого расстался.

— Они были расставлены, — недовольно тяну я. Осматриваюсь. У парней занятие на плацу. Печет хорошо, ребята все взмокшие, но продолжают с упорством отрабатывать технику. И моя душа рвется к ним. — Я в поле хочу, — киваю в сторону ребят.

Нахожу Шевцова, своего боевого товарища. Мысленно иду за ним шаг в шаг, прикрывая тыл. Мы всегда работали в паре, а теперь он остался один, принципиально отказавшись от нового напарника. Конечно, в отряде меня может заменить любой. Взаимозаменяемость — основа любого подразделения, но Марк та еще упрямая заноза в заднице. Сказал, что бережет место для меня.

— Ну ты еще заплачь, — Котов качает головой. Да мне от самого себя тошно, но не могу я пока справиться с тупой болью. — Я пришлю тебе контакт физиотерапевта, он работает с военными после ранения, помогает восстановиться. Не пренебрегай его рекомендациями, и вернешься в отряд. Еще пару месяцев я тебе место придержу.

Мы прощаемся в спешке. Парней поднимают на срочный выезд, и мы едем в разные стороны. Это оказывается тяжелее, чем я представлял, поэтому я съезжаю на обочину и десять минут просто дышу.

Пальцами разминаю грудную мышцу в области сердца. Оно сейчас работает на износ.

На шее будто затянулась невидимая удавка, которая не дает дышать.

И я уговариваю себя, что жизнь продолжается, пусть и с новыми вводными. Что это не конец, а только перерыв. Что Котов прав, и пришло время оценить приоритеты и расставить их заново.

Не помню, как доезжаю домой.

В комнатах бардак, как и в моей жизни. На кухне гора немытой посуды и пустые бутылки. Бухал, когда узнал, что увольняют.

Все выглядит депрессивно, я иду по худшему сценарию, о котором нас предупреждали психологи. Скатываюсь на дно эмоциональной ямы, из которой нет выхода.

Прохромав до раковины, достаю из-под мойки мусорное ведро и сгребаю в него все со стола. Никакой больше жалости к себе. Я и так в ней тонул последние два месяца. Сколько можно?

Навожу порядок. Разбираюсь с посудой, меняю постельное белье, устраиваю уборку и готовлю ужин. Это все долго, к вечеру начинает ныть нога, и я обессиленно падаю на диван в гостиной.

Отдохнуть не получается. Стоит ненадолго расслабиться, как в дверь звонят. Это мужики. Заваливаются небольшой группкой, поддерживают.

Марк во главе делегации. Следом за ним Руслан, Серега — мы с ними столько выездов отработали, что даже считать страшно. Замыкающий — Морозов, наш бывший кэп, который теперь руководит тренировочным процессом.

— Нифига у тебя лоск! — Марк заходит как к себе домой. Собственно, так почти и есть. Мы давно и крепко дружим. Шевцов был частым гостем в моем доме до того, как у него завязались отношения. Скоро женится, уже раздал всем приглашения на свадьбу. — С Крис помирился, что ли? — всегда прямо, как рельса.

— Да у меня вроде тоже руки не из жопы растут, — пропускаю всех на кухню. Мужики заходят с пакетами, там какие-то закуски, контейнеры с едой и прочие премудрости.

— Ну тогда нахер мы тут тебе и не сдались. Думали, помощь нужна, а ты... героюешь, Тишина, — бодро рапортует Руслан.

— Отставить подобные разговорчики, — басит Морозов. — Стас, мы поддержать пришли, — он ставит пакеты на стулья. Молча начинает их разбирать. Там готова еда, судя по тому, как аккуратно уложена в контейнеры, домашняя. Это Диана, жена Мороза, постаралась. Их семья для нас как вторые родители. — И поговорить.

— О чем? — хмрюсь, ментально отгораживаясь.

Я люблю их, как свою семью, но копошиться в моей голове не надо. Я и сам устраиваю там неплохой переполох.

— Об увольнении. И о том, чем ты в нем будешь заниматься, — Морозов тоже... рельса. Депо, блядь, а не отряд. — Есть у меня один товарищ, мы служили вместе. У него свое охранное агентство. Сейчас ищет людей. Работа там, конечно, не такая как у нас. Почти непыльная. Сопровождение, охрана периметра. В общем, лафа, но покрыться плесенью не даст, — он выкладывает визитку и двигает ее по столу в мою сторону. — Ему нужны толковые ребята, а тебе — занятие, чтобы не сойти с ума.

Я смотрю на кусок картона. Охранное агентство «Беркут». И ниже контакты: номер телефона и имя. Олег Беркут. Понятно, никакой оригинальности. Все по классике: чем проще, тем лучше.

— Я на службу хочу вернуться, а не протирать штаны, глядя в камеры весь день, — морщусь. Знаю я, чем занимаются отставные вояки, которые идут в охрану. Деградируют. А потом спиваются.

— Не настаиваю, но подумать рекомендую. У Олега свой тренировочный центр, он работает с бойцами в период восстановления. Может помочь со всех сторон. Я предупредил его насчет тебя. Он ждет, — двигает визитку еще ближе ко мне.

Я медленно качаю головой.

— Не заинтересован.

Девчонки, добро пожаловать в мою новиночку!

Возвращаемся к циклу про настоящих героев и парней, готовых на все ради любимой женщины. Честно? Очень волнуюсь. С одной стороны, вернуться к циклу - это как вернуться домой. А с другой стороны - страшно налажать.

Буду рада вашей поддержке. Не забывайте ставить книге звездочки и писать комментарии, они меня очень вдохновляют. И обязательно добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять :)

Ну, поехали.

2

Промывка мозгов заканчивается нескоро. Парни расходятся ближе к полуночи. Руслан, вечный заводила и безудержный тусовщик, предлагает провести ночь в режиме охоты. Вежливо отказываюсь.

Мужики, конечно, настрой подняли, но он все равно болтается между отметками «полнейший отстой» и «унылая херня». Полночи я не могу уснуть. Верчусь с одного бока на другой. Нога ноет, будто нарочно напоминая о моей неполноценности.

На ближайшие месяцы служба для меня закрыта. Даже если я быстро восстановлюсь, комиссию можно ждать еще полгода. За это время в мой отряд не то что успеют взять человека — он успеет обжиться и перевестись в другое подразделение.

И я точно знаю, что загнусь от скуки, если не найду работу. Только вот незадача — я ничего, кроме как воевать, не умею. Вся моя жизнь была связана с военной деятельностью. Кадетская школа, армия, СОБР. Я в этом с детства. Мать отдала в училище, потому что я был проблемным ребенком. Батя ушел от нас, когда мне было семь, а матери никогда особого дела не было до моего воспитания. Так что как только появилась возможность, я отправился в училище.

Без трудного подростка рядом мать быстро нашла хахалю и уехала с ним за границу. С тех пор единственной моей родней осталась бабушка по папиной линии. Она живет в деревне и ни под каким предлогом не хочет переезжать в город. И можно, конечно, махнуть на пару месяцев к ней под предлогом помощи или еще чего, но я точно знаю, что Ба выгонит меня обратно быстрее, чем я успею рассказать, что произошло.

«Ты упал, а не умер. В жизни будет столько ударов, которые собьют тебя с ног, но это не значит, что ты должен продолжать лежать. Вставай и иди дальше», — принцип, которым руководствуется моя бабуля всю свою жизнь.

И она права. Я упал. Но вместо того, чтобы встать, я все еще лежу, думая, что волшебный подъемный кран появится сам собой и поставит меня на ноги.

Вспоминаю о визитке.

Время два часа ночи. Я гуглю «Беркут», но там крайне мало информации. ЧОП. Спортклуб. На немногочисленных фотках везде почти одни и те же лица. Значит, команда сформирована давно.

Все-таки стоит утром позвонить.

Когда собираюсь убрать телефон и хотя бы немного поспать, приходит уведомление.

Крис опубликовала новую историю. В два сорок ночи.

Мы расстались, но я не удалил контакт. Не то чтобы я на что-то надеюсь. Нет. Сложно строить отношения с человеком, который мечтает, чтобы ты остался инвалидом и не вернулся на службу. В общем-то, я могу ее понять, наверное. Ждать иногда тяжелее, чем выполнять боевую задачу. Там горизонт планирования сокращается до секунд. Выжить, сделать все, что нужно, вернуться в тыл. Нет даже времени подумать обо всяких «а может...», потому что не может. А когда ждешь, проводишь часы, дни, а иногда недели, гадая, что происходит, система так или иначе дает сбой.

Поэтому Кристину я не виню, но в качестве спутницы жизни ее больше не рассматриваю. А сторис зачем-то открываю.

Она в клубе, отрывается с подружками. Пьет коктейль и танцует под зажигательные биты. Раньше, когда я возвращался из командировок, мы тусовались вместе. Кристина — легкая. Она почти никогда не обижалась и всегда была за любой движ. И с ней приятно было возвращаться к обычной жизни. Сегодня клуб, завтра выставка, а на выходных кемпинг. И секс. Много секса.

В кадре мелькает мужская рука. Совсем ненадолго и почти незаметно. Если не всматриваться, то можно и не понять, что кто-то обнимает ее за талию. Но я вижу. И... меня не прошибает ревностью. Все ровно. Мы с Кристиной, наверное, никогда и не любили друг друга. Мне было хорошо, создавалась иллюзия, что меня ждут. А Крис нравилось, что я трачу на нее деньги, задариваю подарками и окружаю вниманием, пока в отпуске.

Но глядя на веселую Крис, легко вычеркнувшую меня из своей жизни, я вдруг понимаю, что что-то делаю не так.

Поэтому утром, едва дождавшись восьми пятнадцати, звоню по номеру на визитке. Мне отвечают бодро. Видимо, Беркут уже не спит. По глухим звукам ударов догадываюсь, что уже в зале. Он приглашает встретиться через час.

Соглашаюсь и еду. На всякий случай закидываю в себя две таблетки обезболивающего. Надеваю эластичный фиксатор на ногу.

Приезжаю вовремя. Спорт-клуб находится на краю города, район тут, надо признать, не самый благополучный. Контингент соответствующий.

Но я, отбросив предубеждения, вхожу внутрь, сразу же попадая в основной зал. Тут тренируются мальчишки самого раннего возраста. Среди них есть парочка девчонок, и по технике они превосходят всех ребят. В зале чисто, светло и просторно. С улицы кажется, что помещение гораздо меньше.

Беркут находит меня сам. Идет навстречу. И сразу понятно, что он тут командует парадом: серьезный, держится выше всех. Превосходит каждого не только физически, но и по морально-волевым. Мужик он серьезный: высокий, широкоплечий, с густой темной бородой. Ему на вид лет сорок, но нет ни намека на седину.

— Стас? — проходит по мне оценивающим взглядом, делает какие-то выводы. — Я Олег, можно Беркут, — широко улыбнувшись, протягивает руку. Жмет крепко, будто уже проверяет — выдержу ли. Но у нас Морозовская школа воспитания, поэтому не выдержать — не вариант. — Молодец, что позвонил. Пойдем в кабинет.

Мы проходим через весь зал, Беркут попутно раздает указания детям.

В его кабинете скупое и слишком серое. Вдоль стен — бесконечные шкафы с папками, распределенными по датам, а напротив двери металлический стол. Ощущение, будто я попал в старый медицинский кабинет, который отдали под офис, но так и не оборудовали его для новых рабочих условий.

— Давно отдыхаешь?

— Два месяца на больничном. В отставке сегодня первый день.

— И уже рвешься в бой? Похвально.

— Не хочу зарастить мхом, лежа на диване, — пожимаю плечами. Так и стою посреди кабинета, хотя стул приглашающе отодвинут.

Во-первых, никто не пригласил, и в обход это делать как-то стремно. Во-вторых, если наш разговор затянется, то лучше его пережить стоя, потому что после начнутся дикие отходняки с болью в раненой ноге.

— Добро. Готов к спаррингу?

— Сейчас?

— Да. Любой стиль, выбери сам. Воин познается в битве. Мне будет достаточно трех минут. Знаю, что у тебя ранение. Ниже пояса не бьем и деремся без подсечек. Идет?

Смотрю на него, не скрывая удивления. Все, абсолютно все носились со мной как с писаной торбой, а Беркут решил вот так без подготовки выволочь на корт.

И разматывает меня как Тузик грелку. Легко, без напрягов и даже без одышки. Я же не могу нормально ударить и все время только защищаюсь. Дважды мне удастся ударить, но на этом все заканчивается. Моя опорная нога — левая, всегда была она, и сейчас, когда я не могу

ее нагружать, приходится перестраиваться в процессе. А еще — получать по лицу и встречать ребрами кулак, упакованный в перчатку.

Олег успевает наставлять меня и рассказывать, что я делаю не так и как исправиться. Без конца напоминает мне менять опорную ногу и выбрасывать вперед левую руку, а не правую. Получается криво и как-то вполсилы, но я продолжаю. В СОБРе место выгрыз упорством, здесь рассчитываю на тот же результат.

К концу трех минут я чувствую усталость, будто отпахал час на тренировочных. Мы возвращаемся в кабинет. Беркут не комментирует ход своих мыслей. Достает из ящика папку и кладет на стол, двигая ее ко мне.

— Ты подходишь. Есть над чем поработать, но я ограничен в ресурсах. Если тебе интересно, то сегодня до конца дня и завтра в первой половине я введу тебя в курс дела. Держишься ты хорошо, не сдаешься, а это главное. Сегодня я еще на тебя посмотрю, а пока, — он кивает на папку. Это самое простое собеседование в моей жизни. — Тут объект. Девушка, двадцать три года. Задача — обеспечить безопасность на неопределенный срок. Я прогнозирую пару недель, не больше. Ее жених — подполковник. Возможно, ты его знаешь. Наша задача маленькая — делать то, что поручили. Может, тебе захочется погеройствовать, но запомни: мы не в части и не на службе. Здесь другие задачи, и дальше них мы не заходим. Это ясно?

Открываю папку. На первом листе — основная информация. Дальше — фотография. Милая девушка: светлые волосы соломенного цвета, пышные губы бантиком, маленький немного курносый нос и серо-голубые глаза. Она милая и очень красивая. Такая девочка из сказки. Та самая принцесса, которая избалована отцовской любовью и всегда получает только лучшее.

Долго смотрю на портрет, запоминая черты лица. Хорошенькая она. Нахрена только ей подполковник старше нее на шестнадцать лет? Выводы стараюсь не делать, но они сами напрашиваются. Хотя имею ли я право ее осуждать? Все хотят лучшей жизни: и Кристины и... — смотрю на имя в деле — Кати.

А может, у нее и правда любовь? Та самая, которая один на миллион.

Интуиция подсказывает, что нет. Но это уже не мое дело. Моя задача — охранять.

Ну, будем знакомы, Екатерина Васильевна.

3

Катя

— Да хватит тебе работать, отличница наша, — весело журит меня Зоя, старший инженер-проектировщик. — Рабочий день уже пять минут назад закончился.

— Я обещала сдать проект к понедельнику, — нажимаю на кнопку «сохранить» и захожу в почту. «Архикад» выдает радостное оповещение, что проект сохранен. А я уже набрасываю тело письма.

— Смирнов все равно раньше вторника не посмотрит, так что даже не парься, — взмахивает рукой.

Это ей легко говорить — она в компании уже семь лет и занимает вторую по важности должность в отделе. Я же — только две недели, и то под угрозой лишиться места спустя три испытательных месяца. В общем, Зое можно отнестись к работе с положенным «коллеги, давайте уже в понедельник», тогда как мне нужно предвосхищать пожелания руководителя.

— Я уже закончила, — прикрепляю файл (и проверяю, чтобы не отправить пустое сообщение), желаю хороших выходных и... все! Вторая рабочая неделя закончена, можно побаловать себя чем-то вкусным и суперкалорийным.

— Слушай, может, все-таки пойдешь с нами? — предлагает Зоя во второй раз.

У них есть милая традиция — раз в месяц они собираются в баре неподалеку от офиса и болтают на далекие от работы темы. Это хороший способ познакомиться с коллективом и немного всех узнать. Меня пригласили еще в среду за обедом, но я отказалась, потому что уже пообещала Вите провести выходные в его загородном доме.

Мы вместе год, на моем пальце помолвочное кольцо с тремя бриллиантами, а я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что состою в отношениях со взрослым мужчиной. У нас все вышло нетипично: Витя — бывший подчиненный и протеже моего отца. Когда папа умер, и я осталась совсем одна в двадцать лет, рядом оказался Виктор. Он поддерживал, заботился, помогал выбраться из эмоциональной ямы после похорон.

Мне казалось, что Виктор делает это из уважения к моему отцу, но спустя год он признался в чувствах. Я не могла ответить тем же, но позволила ухаживать за собой. Сначала цветы, небольшие подарки, потом начались свидания и два совместных отпуска, в одном из которых Витя сделал предложение. И я приняла. Не потому что сильно влюбилась или не могла и дня провести без него. Вовсе нет. Просто... с Витей все было чуть лучше, чем с парнями моего возраста.

Я никогда не была затворницей, ходила на свидания и даже по глупости вступила в отношения, чтобы узнать, что такое секс. В общем, опыт вышел... никаким. Это был парень из параллельной группы, симпатичный, высокий, тот самый голубоглазый брюнет, о котором пишут в любовных романах. Но... не срослось. Когда он признался мне в любви, я не смогла ответить тем же. Из уважения к своим чувствам, он тогда пытался влюбить меня в себя еще целых две недели. Потом отступил.

А дальше случился Витя, и я поняла, что дело не в окружающих меня мужчинах, а во мне. Я просто не умею любить. Витя на тот момент был для меня самым безопасным вариантом. И я согласилась, потому что он искренне меня любит. А разве не это главное в отношениях?

— Ау, Кать, офис вызывает, — Зоя щелкает пальцами перед моим лицом. — Так что, надумала?

Она улыбается, сминает плечики сумки, ожидая моего ответа. Зоя классная — позитивная и боевая. Она та самая коллега, с которой весело, легко и без косяков. Прекрасна и как человек, и как профессионал. И я вдруг понимаю, что хочу, особенно когда в наш кабинет заглядывает начальник маркетингового отдела и бросает слишком двусмысленный взгляд на

Зою. Мне нужна эта история, потому что в своей голове я уже дорисовала романтик для этих двоих.

— Я... Мне нужно позвонить жениху, — откашливаюсь и встаю.

— Ура-ура! — хлопает в ладони Зоя, а Влад поднимает вверх оба больших пальца. — Тогда пойдем, все равно еще ждать такси, а я хотя бы покурю.

И мы спускаемся в лифте, где мне приходится делать вид, что эти двое не стоят слишком близко друг к другу, хотя кабина рассчитана на двенадцать человек. Я же думаю, что сказать Вите и как попросить его поехать завтра утром. Знаю, ему тоже хочется расслабиться и отдохнуть после напряженной недели, но это моя первая работа и мне очень важно себя зарекомендовать и показать со всех сторон. Да и я не планирую долгих посиделок, максимум час-два. И вещи я успела собрать еще утром. Может, все не так уж и страшно?

Мы выходим на улицу, и первое, во что впивается мой взгляд — Витин внедорожник, стоящий почти напротив входа и призывно мигающий фарами.

Внутри все напрягается, я вытягиваюсь по струнке.

— Звонишь? — спрашивает Зоя, подталкивая меня плечом, и я медленно качаю головой.

— Он приехал за мной, — поджимаю губы. — Давайте, наверное, в следующий раз, ладно?

Зоя растерянно смотрит то на меня, то на машину. Господи, у него же номера еще непростые!

— Эм... ты уверена, что все хорошо? — коллега переводит обеспокоенный взгляд с меня на машину.

— Да, порядок, — натягиваю на лицо дежурную улыбку. — Мы просто не договаривались, что он за мной заедет, я немного удивлена, — пожимаю плечами и отмахиваюсь от ее подозрений, будто не произошло ничего странного. — Ладно, ребят, до понедельника.

Я несусь к машине так быстро, будто на моих ногах кроссовки, а не каблуки. Не дожидаясь жеста вежливости, сажусь в салон и клюю Витю в щеку в знак приветствия.

Он выглядит напряженным. Сжимает руль крепче обычного, весь какой-то немного осунувшийся и уставший. Я не видела его таким никогда. Виктор будто прибавил пару лет за те три дня, которые мы не виделись. У него в следующем месяце повышение, дадут внеочередное звание, но для этого нужно сильно попотеть — подполковниками ФСБ просто так не становятся.

Мы созванивались вчера, Витя говорил, что все в штатном режиме и нет никаких проблем.

— Что-то случилось? Ты приехал прямо к офису, а мы договаривались этого не делать. Ты ведь знаешь, я не хочу, чтобы говорили, что это место мне досталось из-за влиятельного жениха.

Зачем-то перевожу взгляд на Зою с Владом. Они сосредоточены исключительно друг на друге, но мне все равно кажется, что посматривают в мою сторону.

Виктор вздыхает. Отпустив руль, вдруг резко обхватывает мою шею и впивается в губы на несколько секунд. Не делает ничего — просто прижимается, передавая мне странные опасения.

— Тебе нужно уехать. Сегодня же, — выдает сипло вместо приветствия. — Планы поменялись, ко мне мы не едем. Только ты. Я уже обо всем договорился, сейчас соберешь вещи и поедешь. Твой сопровождающий приедет к твоей квартире.

— Что? Ты о чем? — спрашиваю, когда мы выезжаем на дорогу. — Я не хочу никуда ехать.

— Это не просьба, Катя. Ты уедешь, и лучше тебе не спорить.

4

— Что происходит, Вить? — нервно облизываю губы.

Мы едем в сторону моей квартиры. Сердце сжимается от страха, руки трясутся, и я укладываю их на колени. Никогда Витя так себя не вел. Он всегда был обходительным. Мы и ссорились-то всего пару раз, наверное, даже больше из-за моей дурости. В этом, наверное, и есть сложность отношений с мужчиной старше — он спокойнее, мудрее, уравновешеннее. Я на его фоне взбалмошная истеричная девица. И приходится контролировать эти свои порывы, расти быстрее, чтобы соответствовать.

И я стараюсь, правда стараюсь, но получается крайне редко.

Вита прибавляет скорость. Я кое-как вытаскиваю ремень, трижды дергая чересчур сильно. Нужно дышать, и чем ровнее, тем лучше. Вдох — пауза — выдох — пауза — вдох.

— Из-за моего повышения начались стандартные проверки. И один летеха... — Виктор сжимает челюсти, я, кажется, слышу, как они скрипят. На его скулах выступают желваки. — Сука! — ругается он, когда нас подрезают. Жмет на клаксон со всей силы. Машина виляет вправо, но Витя быстро возвращает нас в ряд. — В общем, он нарыл пару неприятных подробностей. Не забивай себе голову, малыш, — он берет мою руку в свою ладонь. Его руки немного влажные, прямо как мои. Подносит пальцы к губам и оставляет на них несколько поцелуев. — Это дела прошлых лет, я с ними разберусь, но они могут рыть со всех сторон. А ты моя невеста, значит, самое первое звено во всех проверках. Не хочу, чтобы они таскали тебя по допросным и ворошили память об отце.

Я вздрагиваю. Впервые смотрю на Витю с подозрением. Мы давно не говорили о папе. И я, бесовская дочь, уже несколько месяцев не была на кладбище. Наверное, в последний раз была там весной, а сейчас июль. И я трусливо боялась встретиться лицом к лицу со смертью, потому что вокруг меня было много жизни: выпускные экзамены, вручение диплома, новая работа. Я как будто вступила в новый этап, оставив старый позади, а теперь воспоминания поднимаются со дна памяти. И меня затапливает новой болью.

— Прием здесь папа? — мой голос дрожит, в горле собирается ком, который я никак не могу проглотить.

— Не переживай, Катюш, я со всем разберусь, — он сжимает мои пальцы сильнее, обнадеживая и подбадривая. — Тебе просто нужно мне помочь и уехать, чтобы я знал, что ты в безопасности и тебе никто не будет полоскать мозги. Как только все закончится, я сразу же приеду за тобой.

— Ты не ответил на вопрос.

Кусаю щеку изнутри. Неприятное предчувствие разрастается под кожей. Я не могу себе объяснить, что именно не так, но знаю, что какие-то части пазла не сходятся.

— Катя, просто сделай, как я говорю. Не нужно тебе знать больше. Только то, что я уже сказал.

— Я ничего не понимаю...

— Ну что ты, блять, не понимаешь? — психует, резковато вписывается в поворот и заезжает на территорию дома.

Я смотрю на Витю испуганно. Он кричит, агрессивен — это совершенно не его стиль общения. Куда пропал рассудительный мужчина?

Стоит ему остановиться, я тут же отстегиваю ремень и нажимаю на ручку в дверце. Не собираюсь тут оставаться и продолжать разговор в подобном тоне. И никуда я не поеду, не надо мне указывать.

— Кать, постой, — осторожно касается моего плеча. — Я сорвался, извини. Второй день на нервяке, — вздыхает.

Я останавливаюсь. Возвращаю ногу в салон. Может, я и правда не заметила его усталости? Повернувшись к нему, внимательно рассматриваю лицо: между бровей залегла тяжелая морщина, лицо выглядит осунувшимся, на лице легкая небритость, хотя им вообще-то не положено. Он и правда выглядит не очень хорошо.

И я снова это не заметила из-за своего дурного характера.

Мягко ему улыбаюсь и кладу ладонь на его щеку. Витя прикрывает глаза, прижимается сильнее и касается губами запястья. Я вздрагиваю, вдруг чувствуя себя неспособной проявить хоть каплю нежности, пока все не дойдет до крайней стадии. Ну что мне стоило быть капельку мудрее? Это ведь несложно: приласкать мужика и после уже делать с ним что угодно. Не задавать глупых вопросов, пока он за рулем, а дожидаться, когда мы доедем до дома и все спросить, прижавшись к его груди.

И не было бы ничего из этого. Но я неправильная и не могу вести себя иначе.

— Расскажи все спокойно, — сама тянусь к его губам. Прижимаюсь на несколько секунд. Витя ловит меня за затылок, углубляя поцелуй. Я не чувствую ничего, отвечаю на автомате. Прикосновение не вызывает ни тепла, ни отклика — сплошная пустота, как на осмотре у врача. — Пойдем, — отстраняюсь первой. — Я сделаю тебе кофе и дособирую вещи.

— Не надо кофе, Катюш, — приглаживает мои волосы ладонью. — Просто собери вещи и сделай, как я тебя прошу без лишних вопросов. Это всего пара недель, — он выходит из машины, а я, наоборот, прилипаю к сиденью.

В смысле всего пара недель?

Виктор обходит капот, открывает для меня дверцу и подает руку. Нетерпеливо дергает пальцами, заставляя меня поторопиться. Все же выхожу на улицу и мы вместе идем в квартиру.

Пара недель... Он вообще в своем уме? Из-за какого-то воображаемого допроса мне придется забыть о своей жизни на две недели? Я молчу. Напряжение нарастает.

Ладонь Вити, лежащая на моей пояснице, начинает раздражать.

Мне кажется, он меня предает своей просьбой.

Открываю дверь ключом. Он, будто сопротивляясь, заедает.

Витя держится невозмутимо, только все время поглядывает на часы.

Я тоже смотрю. Стрелка неумолимо клонится к семи.

— Я не могу уехать на две недели, — поворачиваюсь к нему, останавливаясь посреди коридора.

— Почему? — спрашивает скучающим тоном. Снова бросает взгляд на наручные часы. Это уже начинает бесить.

— Потому что вся моя жизнь здесь. И я только вышла на работу. Меня взяли без опыта в классную компанию, я не могу лишиться должности.

— Ты стажер, Кать, — Витя садится на банкетку в прихожей. — Делаешь за всех работу, которую они не хотят выполнять. И не факт, что тебя оставят после того, как ты закончишь.

— Серьезно? Спасибо, что в меня веришь! — злюсь.

Иду в спальню. К черту его. Сейчас принципиально разберу вещи и лягу спать. Никуда не поеду.

Я вообще-то университет с красным дипломом закончила. И рекомендации получила. Преподаватели пророчили мне карьеру в науке, а я решила заниматься практической деятельностью. Сама прошла два собеседования и вышла на работу. Витя мог помочь, у него есть связи, но я попросила этого не делать.

— Катя! — бросает в спину. Меня преследует тяжесть его шагов. — Ну еще обидься давай.

— Скажешь, что нет повода? — даже не оборачиваюсь.

— Я вообще не понимаю, зачем тебе эта работа, если после свадьбы все равно уйдешь в декрет.

Он расстегивает пуговицу на рубашке, устало трет шею. На мгновение я снова ощущаю укол вины, но не позволяю этим чувствам одержать верх. Потому что одно дело — быть мудрой женщиной и идти на небольшие уступки, и совсем другое — стать безвольной идиоткой, которая всегда гнется под мужика, забывая о своих потребностях.

— Ты в этом так уверен?

— В чем? В том, что наконец трахну тебя? Да, — его руки смыкаются на моей талии. Слова звучат грубо, но я разучилась обижаться на некоторые его формулировки. Витя... он и так слишком долго меня ждет, поэтому тема секса для него слишком острая. — И мы не станем использовать презервативы. Мы это уже обсуждали.

— Я не хочу возвращаться сейчас к этому разговору, — закатываю глаза. — Ты меня обидел.

Он обнимает меня крепче. Упирается подбородком в мое плечо прямо у основания шеи. Щетина колет кожу, но я не двигаюсь. Чувствую его эрекцию, упирающуюся в мою задницу. Закрыв глаза, просто дышу. Витя скуп на приятные слова, и их недостаток старается компенсировать действиями, такими вот медвежьими объятиями.

— Прости, малыш, — целует шею. — Я не хотел обижать. Прости.

Разворачиваюсь в его руках, устраиваю ладони на крепких и слишком напряженных плечах.

— Почему я должна уехать?

— Потому что это спасет тебе жизнь, Катя, — вдруг говорит серьезным ледяным тоном, от которого у меня мурашки по коже. — Твой отец только для тебя был добрым ангелом. Есть дела прошлых лет, которые всплыли теперь. Я не буду посвящать тебя в подробности, даже не проси. Есть люди, которые попытаются добыть через тебя информацию, потому что ты его дочь. А я не всегда буду рядом, чтобы защитить.

— Но я ничего не знаю, — в горле моментально пересыхает. Обвожу губы языком. Папа был генералом, но на семье это отражалось разве что излишней строгостью. В остальном — он был самым обычным человеком.

— Это неважно, малыш. Всем похуй, знаешь ты или нет. Чтобы убедиться, они не станут гнушаться и пойдут на крайние меры. Поэтому собирай вещи. Сегодня побудешь в моем доме, а завтра поедешь дальше, на дачу моего хорошего знакомого.

Я не успеваю ничего спросить. В дверь звонят.

Ненормальный страх затапливает каждую клеточку моего тела. Становится трудно дышать. Пальцы впиваются в Витину рубашку. Я смотрю по сторонам и не верю, что это мой мир был не таким радужным и что в нем есть место для чужих тайн, из-за которых я могу пострадать.

Звонок снова заходится трелью. Я вздрагиваю. Витя снова смотрит на часы.

— Это, наверное, твой телохранитель. Собирайся, я пока открою.

5

Я пялюсь на шкаф. Слышу в прихожей голоса. В голове не укладывается полученная информация. Папа занимался чем-то опасным, так что теперь моя жизнь под угрозой. Неужели это все правда происходит? И почему сейчас, когда жизнь только-только стала идти по белой полосе?

После того, как Витя сказал, что моей жизни угрожают, желание сопротивляться как-то пропало. Он никогда не бросает слов на ветер, папа говорил, что Виктор очень надежный, и у меня нет ни одной причины сомневаться. Разве что я не знала, чем занимался папа на работе. Но я прежде не интересовалась, а сейчас... даже если я спрошу у Вити, он ответит, что все засекречено и что мне не нужно забивать этим голову.

И, боже, если бы я не была такой наивной раньше, то сейчас бы не тряслась от страха, как промокший котенок под холодным дождем.

Отодвигаю в сторону дверцу шкафа-купе, пялюсь на вешалки с одеждой. Что мне вообще нужно? Для начала, сумка побольше.

Бросаю туда самое необходимое: пару спортивных костюмов, один приличный наряд, запасные кроссовки, майки, шорты. Сумка заполняется быстро. Я не знаю, есть ли смысл во всех этих шмотках. В моей голове проигрываются самые негативные сценарии из всех боевиков, и там герои не носят с собой чемоданы. Они отправляются с одним рюкзаком, который теряют за время побега.

И мне все это кажется неуместным. Я теперь смотрю на сумку, она не такая уж и большая, но это я еще не была в ванной. Мои баночки занимают достаточно места, но я не могу отказаться ни от одной из них. В панике беру больше, чем нужно.

Когда я думаю, стоит ли брать новый комплект шампуней, ко мне заходит Витя.

— Кать, остановись, — он обнимает меня за плечи, стоя за спиной. Прижимается к лопаткам. — Я поэтому и не хотел тебе говорить, — целует мои волосы. В его крепких объятиях чувствую, как дрожу. — Тише, малыш. Все будет хорошо. Это мера предосторожности.

— Что будет с моей работой? — я неожиданно даже для себя самой всхлипываю. Чувствую себя жалкой.

— Куплю тебе больничный, я уже договорился, нужно только твое согласие.

— И чем я буду болеть? Ну, по легенде.

— Бронхитом? Или можно что-то со спиной.

— Пусть будет бронхит.

Я часто болела им в детстве. Всей душой ненавижу это заболевание и прекрасно знаю его симптомы.

— Я приеду за тобой сразу же, как будет можно, малыш, — Витя сжимает меня крепче. Ловлю в отражении зеркала его обеспокоенный взгляд. И мой — опустошенный. Я все еще не понимаю, чем мог заниматься папа, что мне требуется прятаться даже после его смерти. И что такого я могу знать. Но выстроить логическую цепочку никак не получается. Слишком мало данных. — Ни о чем не волнуйся. У меня все под контролем.

Я киваю. Не нахожу в себе слов.

Заканчиваю сборы за две минуты и проверяю все электрические приборы в квартире. Безжалостно опустошаю холодильник, забирая с собой два питьевого йогурта и творожные сырки, а остальное отправляя в мусорный пакет.

Мне кажется, что жизнь разваливается на части, и я не могу снова соединить все кусочки в цельный пазл, как ни пытаюсь.

— А где... мой сопровождающий? — не знаю, как правильно его назвать.

— Ждет на улице, возле машины. Отказался заходить в квартиру, — Витя сжимает мою руку в своей и берет сумку. — Все будет хорошо, Катя. Это просто нужно пережить.

Мы выходим во двор. Здесь уже начало смеркаться, но я сразу замечаю внушительный мужской силуэт. Он отделяется от черного седана и идет в нашу сторону. Я смотрю, нет, откровенно пялюсь, во рту неуместно собирается слюна. Видимо, отпустил стресс.

Он выше меня почти на две головы, лицо наполовину спрятано под густой темной бородой. Глаза — их почти не различить, так сильно он хмурится. Одет он просто — в джинсы и черную футболку-поло. Руки, блин, огромные, будто он только и делает, что торчит в спортзале сутки напролет. Фигура как у пловца: широкие плечи и узкие бедра. Я не знаю, зачем все это отмечаю. Наверное, хочу хорошенько запомнить как выглядит человек, который будет охранять меня все это время.

Боже, я чувствую себя героиней кино — только у них есть личная охрана, готовая встать на защиту в любое время дня и ночи.

Мой взгляд возвращается к суровому лицу. Наши глаза встречаются — он тоже на меня смотрит, только, я уверена, его щеки сейчас не горят от волнения. Зрительный контакт длится меньше секунды, но я успеваю ощутить всю тяжесть его взгляда.

По выправке и осанке угадываю в нем бывшего военного. Либо долго служил, либо недавно уволился. Он едва заметно прихрамывает, я бы не увидела, если бы не продолжала неотрывно за ним следить.

— Катя, знакомься, это Стас. Он будет с тобой все время. — Представляет нас Витя. Его ладонь ложится на мою талию, он прижимает меня спиной к своей груди, скользит рукой по животу, показывая свое превосходство и мою принадлежность. И я бы злилась в любой другой ситуации, потому что ненавижу, когда он так делает, но сейчас стою и пытаюсь изобразить счастливую улыбку. — Стас, моя невеста Екатерина.

Он кивает. Уголок губ приподнимается в легкой улыбке.

— Сумку можно закинуть в багажник, — зажав пальцами кнопку на ключе, держит ее несколько секунд. Крышка багажника поднимается, из машины доносится писк. — И без долгих прощаний. У нас мало времени.

Развернувшись, он идет к машине. Не дожидаясь меня, садится в салон. Мда уж, будет весело.

Витя ставит мою сумку в багажник. Спешно целует меня. Нервничает, и это волнение передается мне. Я тоже волнуюсь, потому что это я поеду с незнакомым человеком и буду находиться с ним в ограниченном пространстве. Почему-то весь ужас ситуации охватывает меня только сейчас.

— Ты что-нибудь знаешь о нем? — шепчу Вите, когда мы обходим машину. — Он вообще надежный?

— Бывший военный. Я пробил его по своим каналам, послужной список отличный, командир пел хвалебные оды. Свою работу знает, — отвечает сухо. В кармане вибрирует его телефон. — Садись, малыш, — прижимается губами к моему виску и принимает вызов. — Это срочно. Я позвоню тебе через пару часов, вы как раз доберетесь к этому времени.

Он отходит на несколько шагов. До меня доносится только гул его голоса.

Пульс бьет в виски. Я почти решаюсь броситься на грудь Виктору и умолять не отправлять меня с незнакомцем. Но я гашу в себе этот порыв и дрожащими пальцами тяну за ручку.

— Садись вперед. Я не таксист, — слышу его обволакивающий голос. Из пустоты салона он звучит обманчиво привлекательно. Низкий, с легкой хрипотцой и какими-то загадочными нотками... не могу их описать. Они просто резонируют в моей груди.

Вот только разговаривать он совершенно не умеет, даром что наделен главной способностью.

— Ты охранник, — фыркаю в ответ и назло ему усаживаюсь назад, надеясь, что меня не будет укачивать. — И я не собираюсь тебя слушаться.

— Посмотрим, — хмыкает он и выезжает с парковки.

6

В салоне воцаряется молчание. Достая наушники. Включив шумоподавление, делаю музыку громче. На разговоры нет настроения, и уснуть я не смогу, поэтому выбираю бодрый плейлист. Скрестив руки под грудью, поворачиваюсь к окну и бесцельно пялюсь на быстро сменяющийся пейзаж, тающий под покровом ночи.

Мы выезжаем из города через каких-то пятнадцать минут. Сеть пропадает почти сразу же. Так всегда на этой дороге. У Вити в доме тоже проблемы со связью, мы обычно пользуемся вай-фаем, и этого всегда хватает. Но сейчас меня охватывает легкое волнение, как будто почва под ногами становится все более рыхлой, и я вот-вот провалюсь под землю.

Иногда я смотрю украдкой на этого угрюмого конвоира. Он уверенно ведет машину. Я вижу только его плечо, подбородок и длинные крепкие руки с такими же длинными пальцами, обхватывающими руль. Я засматриваюсь, но не потому что очарована, а потому что вояка эстетически привлекателен. Высокий, с развитой мускулатурой и брутальным образом — в общем, та самая картинка, способная впечатлить любую женщину.

Я быстро отвлекаюсь от Стаса, позволяя мыслям утянуть себя в бессмысленную рефлекссию. Происходящее вдруг начинает пугать. Что будет дальше? Что, если все не закончится за несколько дней или даже недель. Что если растянется на месяцы? Неужели все это время мне придется прятаться?

И причем тут папа? Я помню похороны, его провожали как героя. Было много сослуживцев, хоронили с почестями. Я тогда не потратила ни копейки — все оплатили его коллеги, сказав, что мне нужно тратить деньги совершенно на другое. Папу любили многие, у нас дома часто собирались его коллеги. И я не могу поверить, что все это было... прикрытием?

И почему вдруг Витя заговорил об этом только сейчас? Он ведь знал, что такая ситуация возможна. И если бы только намекнул, подготовил как-то, может, я бы сама сейчас охотно ехала, а не строила новые подозрения и не сомневалась в собственной жизни.

Все еще изредка посматриваю в окно, вглядываясь в абсолютную темноту. Только вывески впереди заманчиво горят. Я помню их. После них поворот к поселку, где находится дом Вити. Значит, нам осталось совсем немного.

Проверяю сеть. Ее все еще нет. Мне немного волнительно ехать с незнакомцем. Ладно, кому я вру. Мне капец как страшно, колени не перестают трястись. Остается надеяться, что этот парень хорошо знает свою работу. Но, черт возьми, мы будем с ним вдвоем. И как знать, что он адекватный? Может, у этого солдафона контузия? Одно неверное движение, и он взбесится. А убежать от такого я точно не смогу, проиграю по физическим параметрам на раз-два, несмотря на то, что он хромает.

Почему стоит одной волне паники отступить, как тут же накатывает другая?

Этого человека выбрал Виктор, а значит, он надежный. И он не причинит мне вреда.

Легко проговаривать это у себя в голове, только в реальности ни черта не срабатывает, стоит мне снова бросить взгляд на его внушительную фигуру.

Вывески приближаются, и мой пульс успокаивается. Еще немного, и мы будем на месте. Я позвоню Вите и вывалю ему все переживания. Плевать, даже если он посчитает меня эгоисткой. Это он отправил меня с незнакомцем, пусть сам справляется со всеми последствиями.

За размышлениями я упускаю из виду тот факт, что Стас перестраивается в левый ряд и на высокой скорости проносится мимо нужного съезда.

Только когда за моей спиной остаются огни, я наконец осознаю, что только что произошло, и резко подаюсь вперед.

— Ты проехал поворот! — оборачиваюсь, провожая взглядом съезд к поселку. В теле нарастает тревога, а горло уже душит страх. Я ерзаю на сиденье, обхватываю переднее, чтобы

удержаться и все-таки привлечь внимание солдафона. — Куда мы едем? Эй, ты слышишь вообще? — хватаю его за рукав футболки, но Стас не реагирует.

Я бросаюсь к дверце, хватаюсь за ручку, но останавливаю себя в последний момент. Куда я собралась на полной скорости? Я быстрее скончаюсь от полученных травм во время падения, чем сбегу.

Снова хватаюсь за телефон. Сети так и нет. Еще и батарейки три процента.

— Куда ты меня везешь? — истеричные интонации не просто пробиваются в голосе, они выходят на первое место.

— В безопасное место, — лаконично отвечает мой новоиспеченный охранник, своим спокойствием пугая меня до чертиков.

— Мы едем в другую сторону! — снова бросаюсь вперед. Хватаюсь за сиденье и вонзаю в мягкую обивку ногти. Стас на это никак не реагирует — смотрит только вперед, чем несоизмеримо бесит. — Что ты задумал?

— Чем меньше людей знает, где мы находимся, тем лучше, — он бросает на меня взгляд. Спокойный, холодный, уверенный.

Вот только я не чувствую ничего подобного. Паника подбирается к мозгу. Еще немного, и я начну просто орать и колотить его. Зачем, если телефона у меня, считай нет, и мы посреди трассы? Черт его знает! Это что-то бесконтрольное.

Тру лицо ладонью и осматриваюсь. В салоне нет ничего, что помогло бы мне заставить солдафона остановиться. Он невозмутим, будто не делает ничего противозаконного.

— Это похищение! Ты в курсе? Я напишу на тебя заявление! Остановись немедленно! — колочу его по плечу, но Стас не реагирует, будто я бью его детским резиновым молоточком, а не стучу кулаками.

— Обязательно напиши. Как только все закончится, — ловлю ядовитую усмешку в зеркале заднего вида и вжимаюсь в сиденье, потому что этот ненормальный вдавливая педаль газа в пол.

Я нервно облизываю губы. В горле пересыхает. Мне так страшно, как никогда не было. В последний раз я так сильно боялась, когда в шестнадцать села в машину к двадцатилетнему парню. Он был крутым, я влюбилась в него еще в седьмом классе, а потом он приехал на каникулы на новенькой машине. Я была глупой и безбашенной, хотела доказать папе, что я уже взрослая, и уехала кататься. Конечно, ничего хорошего из этой затеи не вышло. Макс решил, что я готова отдаться ему на заднем сиденье. Привез меня в лесополосу за городом, мы неслись на бешеной скорости. Я просила ехать медленнее, но он не реагировал. Когда остановились, предложил пересесть назад, чтобы было удобнее болтать. Такой дешевый подкат, но мне в мои шестнадцать казалось, что я крутая, раз меня выбрал местный мачо.

Конечно, после показательной гонки мне не хотелось разговоров. Я быстро поняла, что еще маленькая. Попросила отвезти домой, а он сказал, чтобы я не ломалась.

В общем-то, ничего не случилось, потому что стоило мне выйти из авто, как приехали папины ребята. Они культурно объяснили Максиму, что маленьких девочек увозить нехорошо, а меня доставили домой. Было страшно. Но даже тот страх не идет ни в какое сравнение с тем, что я испытываю сейчас.

— Что ты собираешься делать? — мой взгляд вдруг падает на сумку и ее длинный ремешок.

В фильмах получается ловко. Перебросить через голову и потянуть изо всей силы. Только с моей грацией картошки, уверена, я быстрее запутаюсь сама, чем смогу сделать что-то путное.

— Защищать тебя, — обрубает всю мою панику одной фразой. — Поэтому успокойся и не мешай мне вести машину. Здесь ни одного фонаря, блять, мы разобьемся, если ты продолжишь истерить.

— Тогда скажи мне, куда мы едем! — едва не топаю ногой от возмущения.

Солдафон недовольно цокает. Уверена, была бы возможность, он бы закатил глаза.

— Конкретное место.

— Чтобы ты рассказала о нем своему жениху? Ну уж нет.

— Я и так расскажу, как только появится сеть, — вру так уверенно, что сама себе верю.

— И имей в виду, денег он тебе не заплатит.

Машина резко тормозит. Под колесами грохочет гравий, на который мы съезжаем слишком быстро. Я клюю носом, чудом не доставая до сиденья. Стас ставит машину на ручник, включает верхний свет в салоне и поворачивается ко мне.

Его ноздри раздуваются от гнева. Взгляд мечет молнии. Сам он такой огромный, что мне становится страшно и я вжимаюсь в сиденье.

— Тогда выходи, — нажимает на кнопку и снимает блокировку с дверей.

Я же теперь не спешу ее открывать. Ну почему у меня всегда все наперекосяк? Когда хотела уйти, было нельзя. А теперь... Теперь я ни за что не выйду на улицу, потому что темнота страшнее угрюмого солдафона.

— Мы посреди дороги.

— Поймаешь сеть, позвонишь жениху и он тебя заберет, — все-таки закатывает глаза.

— С ума сошел? Я никуда не пойду!

— Ты просила остановиться. Вот, пожалуйста. Что ты думала, будет дальше? — кладет ладонь на пассажирское сиденье впереди, обхватывает его длинными пальцами ровно в том же месте, где его касалась я. Странно, что сейчас я придаю этому значение. Стас все еще предельно спокоен — вот что должно меня удивлять. — Что я развернусь и верну тебя обратно? Или брошусь тебя успокаивать? Этого не будет. Я работаю по четкой инструкции, Катя, и эмпатии в ней нет.

Мое имя, вылетевшее из его уст, расходится по телу странными мурашками, которые концентрируются в желудке и животе. Я, кажется, даже не дышу, пока Стас смотрит на меня. Только двигаюсь к дверце, надеясь увеличить дистанцию, потому что между нами слишком высокое напряжение. И оно растет с каждой секундой, грозясь превратиться в шаровую молнию и взорвать все вокруг.

Мимо проносится машина. Нас покачивает в салоне. Напряжение вмиг рассеивается, и я делаю глубокий вдох, затем еще один. Стас переводит взгляд на лобовое, барабанит пальцами по рулю.

— Опаздываем.

— Куда?

Он качает головой и, оставив меня без единого ответа, выезжает на дорогу, снова набирая скорость.

7

Следующие полчаса дорожную тишину нарушает только радио. Там играют старые песни, которые я знаю наизусть из-за пристрастия папы слушать похожую радиостанцию.

Сети по-прежнему нет, да и, если быть до конца откровенной, я понятия не имею, что сказать Вите. Что меня похитил телохранитель и везет в неизвестном направлении? Я даже примерно не понимаю, куда мы едем. Конечно, было крайне непредусмотрительно не изучать указатели, но теперь поздно надеяться на доброту моего секьюрити. Этот солдафон не пророчил больше ни слова. Чертов бесчувственный сухарь.

И как, по его мнению, я должна спокойно ехать дальше?

Я снова пропускаю указатель, когда мы сворачиваем с основной трассы и съезжаем на двухполосную дорогу с плохим асфальтом.

— По-моему, уже пора сказать, куда ты меня везешь, — я хмурюсь, пытаюсь увидеть хоть что-то, но вокруг сплошная темнота. С одной стороны поле, мимо которого мы ехали, а с другой лесополоса. — Хватит строить из всего тайну. Я даже позвонить никому не смогу! Телефон сдох пять минут назад.

Стас угрюмо молчит.

Я же ерзаю на сиденье и, поправив ремень, делаю глубокий вдох.

— Слушай, серьезно, это уже перебор. И твоя эмпатия тут ни причем, даже не начинай, — завожусь, разгоняясь с каждой секундой. Не получается оставаться спокойной. — Я не лезу тебе в голову и даже не спрашиваю, что это за план такой, который не включает информирование меня. Просто прошу сказать, куда мы едем. И пока ты снова не завел шарманку про безопасное место, я имею право...

— В Борино, — отвечает коротко и чуть крепче сжимает руль.

Неужели он настолько не выносит разговоры?

— Это какая-то деревня?

— Село.

Вау, это можно считать успешно протекающим диалогом!

— И где оно находится? Никогда о нем не слышала.

— В семи часах пути.

Мой угрюмый собеседник делает прогресс. Не представляю, скольких усилий ему стоили эти три реплики. Происходящее почему-то забавляет. Наверное, это из-за стресса — не могу думать адекватно и здраво рассуждать.

— Так далеко? Но зачем?

На это Стас уже не отвечает. Хотя я и не ждала. Он, похоже, фанат риторики и риторических вопросов. Либо просто мастерски меня игнорирует, потому что так проще.

Интересно, он уже пожалел, что взялся за эту работу? Или я для него не больше, чем назойливый комар, которого можно прихлопнуть, когда совсем надоест?

Задать новый вопрос не успеваю — впереди маячит заправка, и Стас сворачивает к ней. К колонке не подъезжает, сразу сворачивает на парковку и останавливается рядом со старым, но вполне прилично выглядящим круизером.

Мне становится не по себе. Я даже язык проглатываю от волнения. Просто смотрю, не веря, что мы вообще останавливаемся.

— Только давай без глупостей, — бросает мне Стас и выходит из машины.

Я же долго вожусь с ремнем, потому что в салоне темно. Вдруг начинаю нервничать. Это просто остановка. Может, у него какой-то датчик замигал или он решил взять энергетик на предстоящие семь часов пути.

Когда наконец открываю дверцу и выхожу на улицу, вижу, как Стас переносит наши сумки в багажник внедорожника. И — о боже — возле него такой же амбал и солдафон. Они о чем-то переговариваются и мой хмурый надзиратель даже улыбается. Я засматриваюсь на него. Это совершенно не тот Стас, с которым я имела честь познакомиться.

Мужчины о чем-то перешучиваются. Незнакомец легонько толкает Стаса кулаком в грудь и первым замечает меня.

— Что здесь происходит? — наконец подаю голос, встречаясь с тяжелым взглядом голубых глаз, от которых по коже разбегаются мурашки.

У них там что, отряд невыносимых мужчин? И их наверняка отбирали по росту, потому что они почти одинаковые по комплекции. И, надо признать, Стас все же смотрится эффектнее: черты его лица мягче, взгляд добрее, да и выглядит он куда более приземленно, нежели его приятель. Тот как будто античная статуя с высеченными скулами, пухлыми губами и мощным подбородком.

— Смена транспорта. Забери все свои вещи из салона, — командует Стас, закрывая багажник.

— Зачем? Заметаешь следы? Хочешь, чтобы нас вообще не нашли? — я нервно озираюсь.

Это не укрывается от мужчин. Оценивать перспективы даже не приходится. Пытаться сбежать — несусветная глупость. У них ноги в полтора раза длиннее моих, догонят в два счета, и никто меня не спасет, потому что тут, как назло, больше никого, кроме полусонных сотрудников заправки, которым нет дела до разборок посетителей.

— Не задавай вопросы, если уже знаешь ответы, — Стас меняется ключами и прячет нужный в кармане.

— Ты, как всегда, сама любезность, — усмехается незнакомец, и я тоже невольно улыбаюсь.

Значит, это не мне досталась самая недовольная версия. Это базовые настройки и от природы отвратный характер.

Вздохнув, я решаю принять судьбу и не сопротивляться ей. В конце концов, не убьет же он меня, правда? Для этого необязательно везти меня живой еще целых семь часов.

Забираю свою сумку из салона, проверяю, ничего ли я не забыла, и уже смелее подхожу к Стасу.

— Туалет там, — указывает на невзрачный белый домик сбоку от основного здания и протягивает мне круглый фонарик. Нажимает посередине, и загораются лампочки. Еще одно нажатие, и между нами снова темнота. — Возьми, если пойдешь, — протягивает мне, и я смотрю только на его длинные пальцы, не в силах поднять взгляд и встретиться с его глазами. Взять тоже не решаюсь, почему-то медлю, словно боюсь его коснуться. Не фонарика — Стаса. Он, будто чувствуя, добавляет уже гораздо тише: — Следующая остановка будет где-то в поле и глубокой ночью, поэтому лучше здесь.

Ай, к черту.

Чего я вообще робею? Он везет меня в какую-то глухомань, общается не пойми как, можно подумать, я его заставляю поддерживать дружескую беседу. Раздает команды направо и налево, будто я не девушка, а салага, только что заступивший на службу. Не хватало еще разомлеть от того, что он дал мне фонарик! Тоже мне, великая ценность. Мог бы вообще проводить и проследить, что вокруг нет никаких бродячих собак или сомнительных личностей. Он так-то меня защищать должен, а не вести себя как воспитатель в яслях.

Грубовато хватаю фонарик и, игнорируя легкое покалывание в кончиках пальцев, резко разворачиваюсь, уходя в сторону нужного здания.

—

Девчонки, мы сегодня в главе встретили героя из цикла спецназа. Кто не узнал или не был знаком, это Марк Шевцов, главный герой книги Я тебя не отдам

Муж предложил ей сравнить счет в изменах, и она согласилась. Нашла в клубе красивого парня и уехала с ним в отель. Это должна была быть всего одна ночь, но судьба сталкивала их снова и снова, пока они не влюбились.

<https://litnet.com/shrt/gDqG>

8

Когда мы подъезжаем к Борино, начинает светать.

Катя спит, как сурок, съевшись на сиденье и укутавшись в мою толстовку. Эта малолетняя назойливая мажорка вынесла мне мозг, пока мы выбирали еду из скудного меню кафе на заправке. А потом, наевшись, она почти сразу уснула и дрыхла всю дорогу, забыв и о недоверии ко мне, и о страхе, и даже о телефоне, который можно было подключить к зарядке.

И это поведение сильно выбивается из картины, которую я успел нарисовать.

По имевшимся вводным я посчитал, что она избалованная коза, которая профессионально закатывает истерики и считает, что в этом мире ей все должны. На самом деле, это не редкость для семьи, в которой она родилась. Генеральские дочки — самые залюбленные и разбалованные девицы на свете. А еще совершенно не чувствующие опасности, потому что у папы все схвачено. В случае с Катей все установки нужно умножить на два, потому что жених у нее тоже при солидных погонах и бабле, и по слухам, слишком сильно оберегает свою невесту.

И вроде бы нет ничего плохого в заботе о любимом человеке. Только вот как человек Удодов дерьмо дерьмом.

Наверное, поэтому я, воспользовавшись пунктом про «обстоятельства непреодолимой силы», послал к черту весь план и повез ее не в обозначенную точку, а совсем в другое место. И совсем скоро получу за это нагоняй.

Заезжаю на последнюю перед поселком заправку. Катя ерзает, но не просыпается, и я выхожу в морозное утро в одной футболке. Ладно, переживу.

Стоит только сигналу сотовой сети появиться, как телефон тут же разрывается от звонка. Закончив с оплатой, принимаю вызов.

— Раннее пробуждение, — усмехнувшись, беру еще кофе, американо, с двойной порцией эспresso. — Чем обязан? — рисуюсь, прекрасно зная, что сейчас начнется.

— Ты чем, блядь, думаешь? — орет от злости Беркут. — Немедленно скинь мне локацию и садись ждать. Можешь пока посчитать бабло, которое останешься должен за неустойку.

Все крики проходят мимо меня и даже разговор о деньгах не пугает. Не то чтобы их было дохрена и можно было растрачивать направо и налево. Просто я вообще не уверен, что мы дойдем до реального воплощения угроз, а выпустить пар Олегу надо.

— Какая задача стоит у меня по договору?

— Что за херню ты несешь?

— Задача, Олег. Это простой вопрос.

Я хлопаю по карманам, ища сигареты. Но их не оказывается. Вспоминаю, что пагубную привычку я бросил по воле случая, пока лежал в больнице и не мог встать после операции. А потом стало как-то не до курения.

Беркут молчит, только гневно сопит в трубку.

Ладно, я негордый.

— Обеспечить безопасность объекта любым способом. Это и есть любой способ.

— Ты должен был явиться на точку, а утром ехать на вторую. Но ты не приехал никуда. И что с Екатериной? Удодов не может до нее дозвониться.

Перевожу взгляд на лобовое, замечаю за ним легкое шевеление. Мажорка потягивается, зачем-то принахивается к моей толстовке и, осторожно сложив ее на подлокотник, открывает дверцу. Усмехнувшись, разглядываю ее, сонную и растрепанную. Волосы причудливо торчат в стороны, самая она вся мягкая и какая-то невозможно легкая, будто плавает по асфальту, а не вышагивает, проверяя, куда поставить ногу.

— Только проснулась. Беззаботно спала всю ночь.

Катя подходит ближе. Заметив, что я разговариваю, хмурит брови. Беззвучно спрашивает, где туалет. Показываю на здание за своей спиной и наблюдаю за мажоркой, которая, виляя упругой задницей, будто на подиуме, заходит в двери. Тряхнув головой, отворачиваюсь, потому что в голову лезут совершенно не те мысли, которые должны там быть. Катя — объект, и ничего больше.

— Стас, серьезно, это не дело. Мне тебя рекомендовали как лучшего в своем деле. А ты выкидываешь подобные фокусы. Это никуда не лучший. Это неумение следовать приказам. Будь мы на службе, я бы отправил тебя под трибунал.

Он вздыхает и замолкает. Подбирает очередные слова.

— Давай так. Я пришлю тебе не только локацию, но и кое-какую информацию на Удодова. Ее мне любезно предоставил надежный источник, — скрываю, что это был Шевцов, потому что обычно мы не пользуемся его контактами. Это сильно упрощает правила игры, а иногда, наоборот, усложняет, потому что мы знаем слишком много, но законных оснований для действий у нас нет. — Если после этого ты решишь, что Катя должна вернуться, завтра я доставлю ее обратно.

Открыв чат с Беркутом, отправляю все и жду, попивая кофе. Давай, Олеж, не подведи. Морозов сказал, ты нормальный мужик, а ему я порой верю больше, чем себе.

— Откуда это у тебя?

— Не могу сказать. Но данные официальные.

— Я, блядь, вижу все печати. На слепоту и тугодумие не жалуюсь.

— Что скажешь?

На несколько секунд в трубке воцаряется долгое молчание. Я жду. Не волнуюсь. По тону разговора понятно, что все идет в правильном направлении. Все-таки Мороз не ошибается в людях.

— Скажу, что тебе повезло. Оставайтесь там и не выдавайте местоположение. Если то, что ты прислал, правда, то защищать Екатерину нам придется от всех и сразу, — слышу, как бьет кулаком по столу. — С ним я разругаю. Если будет говорить с тобой, вали все на меня. Мой приказ, я сменил тактику.

— Принял.

— Связь раз в день. Сидите там до моего распоряжения.

Беркут не тратит время на прощания и отключается, как только заканчивает фразу.

Катя возвращается со стаканом лимонада и улыбкой на лице. Выглядит она изрядно посвежевшей: волосы собраны в косу, ресницы больше не слипаются, а залом на щеке, образовавшегося во время сна, больше не видно. Катя изрядно посвежела, и теперь выглядит полной моей противоположностью, потому что я чертовски устал рулить всю ночь.

Царевна останавливается в двух шагах от меня. До меня доносится легкий запах цитруса, явно какой-то парфюм или спрей для тела, и мяты, как от зубной пасты. Она что, умывалась в туалете?

Качаю головой.

— Доброе утро, — она слишком солнечная, почти светится. И это бесит. Потому что проблем у нее, на самом деле, выше крыши. И, возможно, ее жених не такой уж мудак, раз решил нанять личную охрану и спрятать подальше от того пиздеца, который вот-вот покатится быстрее снежного кома с горы.

— Садись в машину. Через полчаса будем на месте.

9

Мой угрюмый телохранитель упрямо хранит молчание. Я даже не пытаюсь спрашивать, с кем он говорил. Все равно услышу в ответ что-то в духе «не твое дело» или «тебе лучше не знать, для твоей же безопасности». Еще пара дней, и я избавлю себя от необходимости вести с ним диалог, потому что выучу все его реплики.

Как вообще можно быть таким молчаливым и отстраненным? Неужели его не тянет поболтать в дороге. Я ведь вижу, что у него почти слипаются глаза. И даже то, что он сделал музыку громче, не спасает. А вот приятная беседа может помочь.

Но я больше не решаюсь заводить разговор. Хватит с меня недовольных вздохов и односложных ответов, которые бесят сильнее, чем молчание Стаса.

Мы съезжаем с трассы, и я вижу указатель. До Борино семнадцать километров. Но меньше, чем через минуту, заканчивается весь асфальт, и нас трясет на проселочной дороге так, что я не удивлюсь, если позвоночник осыпется в трусы к концу пути.

Но даже в таком режиме я успеваю рассмотреть окружение. Поля сменяет негустой лес, но чем дальше мы едем, тем гуще он становится. Если бы я не знала, что место назначения — село, то наверняка бы уже думала, что Стас выбирает чащу подремучей, чтобы меня там прикопать.

Здесь красиво, правда, чем ближе мы оказываемся к Борино, тем сильнее на меня насаждает уныние. Потому что все здесь выглядит умирающим, и покосившиеся дома с кое-где провалившейся крышей совсем не украшают картину.

— Думаешь, привезти меня в глушь — идеальное решение? Здесь вообще люди есть?

— Есть, — снова односложный ответ, но я уже не удивляюсь. Скорее, меня поражает то, что Стас в принципе решил ответить.

И словно хочет подтвердить свои слова, он сворачивает на оживленную, по местным меркам, улицу. Тут есть вполне привычные глазу магазины и пункты выдачи заказов. Маркетплейсы заполонили мир. В деревне может не быть нормальной поликлиники и школы, зато есть место, где можно оставить всю свою зарплату.

В целом все выглядит... как обычный поселок. Такой же, как любые другие. Старенькие дома, узенькие улочки, пестрые клумбы, заборы из тонких металлических прутьев и невысокие ворота, которые доходят Стасу, наверное, до груди.

Мы проезжаем все Борино, и останавливаемся почти у крайнего дома. Он выглядит не таким безжизненным, как два соседних. А еще он, кажется, единственный жилой в тупике на шесть домов, потому что остальные выглядят... спорно.

— Приехали, — комментирует Стас, почти подпирая ворота.

Он выходит первым. Приминая мощными кроссовками высокую траву, выросшую перед двором. Я выхожу следом, сразу же попадая в буйство ароматов: цветов, травы и свежести. Где-то вдалеке шумит речка, в ста метрах за домом начинается лес. И дышится здесь, надо признать, легко-легко.

Запрокинув голову, подставляю лицо солнцу. Развожу руки в сторону и просто впитываю в себя ощущения, устанавливаю связь с природой.

Когда слышу скрип калитки, возвращаюсь в реальность. От противного звука простреливает поясницу. Стас, не обернувшись, заходит во двор. Сразу идет вперед, к большому вазону, в котором пестрят петунии. Приподняв его, достает два ключа.

Он ведет себя так, будто знает здесь все. По-хозяйски обводит взглядом двор и два дома: один большой и другой поменьше. Идет ко второму. Я семеню следом, выдерживая дистанцию в полтора метра. Почему-то кажется, что приближаться сейчас к моему угрюмому телохранителю опасно, будто он в любой момент может сдетонировать и взорваться.

Навесной замок на двери поддается Стасу с первого раза. Я стою на улице, не решаясь войти. Стас заходит в дверь боком и пригибаясь. Косая сажень не помещается в проем.

Он выходит быстро, держа в руках уже новую связку ключей.

— Это летняя кухня, — показывает большим пальцем себе за спину. — Там — дом. Внутри есть все, что нужно, но пользоваться, пока я не проверю, нельзя, — он идет прямо к зданию побольше. Остановившись у лестницы, пропускает меня вперед.

Я поднимаюсь вверх, спешу, чувствуя, что Стас дышит мне в затылок. Не заметив перепада в высоте ступенек, спотыкаюсь и едва не встречаюсь носом с бетонным полом, как меня резко тянет наверх.

Что происходит — доходит до меня не сразу. Стас ловит меня молниеносно, а его руки обхватывают меня поперек талии и прямо над грудью. Он прижимает меня к себе.

От близости и страха тело бросает в жар, а перед глазами бегут звездочки и мушки. Я чувствую горячее дыхание на макушке и бесконтрольно дрожу. Сила, с которой меня сжимает Стас, немного... пугающая. А еще очень надежная. В этот момент я отчетливо понимаю, что, пока угрюмый солдафон рядом, ничего не случится. Потому что он, как богатырь, защитит меня от любых бед.

— Целая? — спрашивает в своей неподражаемой сдержанной манере Стас, но отпускать не торопится.

Я же пригреваюсь на его груди и в крепких руках. Под кожей разливается странное тепло, которое импульсами доходит до легких и сосредотачивается вокруг сердца.

— Да. Не заметила, что ступенька выше, — облизываю пересохшие губы, благодаря Бога, что Стас не видит меня в этот момент. Горло стягивает невидимой леской, и каждый вдох царапает гортань.

— Мне стоило предупредить, — хмуро замечает Стас и отпускает меня.

Оставшиеся две ступеньки я преодолеваю за рекордно быстрый срок. Обхватываю себя за плечи, останавливаясь на крыльце. Тут немного сквозит, но мне холодно не только поэтому. Смотрю на своего богатыря во все глаза. Я же для него не больше чем привидение. Он открывает дверь и жестом приглашает меня войти.

— Добро пожаловать. Мы проживем в этом доме какое-то время.

— Мы? — оглядываюсь на него через плечо, останавливаясь в просторной прихожей. — Я не буду спать в одном доме с тобой.

10

— Причина? — невозмутимо спрашивает Стас, останавливаясь прямо за мной.

Мы слишком близко друг к другу — я чувствую жар его тела, кажется, даже слышу ровный стук сердца. Или это мое так реагирует на близость незнакомого мужчины?

Отступаю на несколько шагов вперед, увеличивая дистанцию. Присматриваюсь ко всему вокруг. В доме убрано, пусто и пахнет старостью, как будто здесь не жили много лет. На тумбочках и светильниках толстый слой пыли, мебель накрыта пленкой.

Идеальное место, чтобы по-тихому меня пришить.

По коже проносятся мурашки. Мне срочно нужна розетка, чтобы я могла подзарядить телефон и позвонить Вите. Происходящее мне не нравится, и я вовсе не уверена, что смогу провести со Стасом хотя бы три дня, а не минимум две недели.

— Я тебе не доверяю, — мой голос ровный и уверенный.

Разворачиваюсь к Стасу лицом. Он пялится на меня, причем не как обычно — вскользь и холодно, теперь я замечая любопытство и интерес. Его взгляд будто приклеивается ко мне.

В солнечном сплетении теплеет. Лед между нами тает слишком быстро. В целом, если нам придется какое-то время жить вместе, то найти общий язык стоит хотя бы ради морального благополучия. Но первое знакомство уже безнадежно перечеркнуло любое добродушие и задало вектор язвительного общения.

— Твой жених лично одобрил мою кандидатуру. Ему ты доверяешь? — Стас говорит спокойно, даже не повышает голос, но я все равно чувствую давление в интонациях.

— Конечно, доверяю. Иначе бы никуда не поехала, — протестуя, свожу брови к переносице. Стас умело расставляет ловушку, в которую я вот-вот угожу. Ему даже не нужно продолжать говорить, я сама знаю, что последует дальше. — Но свои выводы я тоже умею делать. Ты отклонился от маршрута, привез меня в деревню, поселил в дом на окраине и надеешься, что я радостно восприму мысль о том, что ты будешь спать в соседней комнате?

Чем дольше говорю, тем быстрее курсирует в венах кровь. Становится жарко, и я тру ладонью шею. Готова продолжать возмущаться, но когда Стас с вызовом поднимает бровь и, опираясь плечом на дверной косяк, скрещивает руки на груди, я взрываюсь от бешенства.

— Я ничего о тебе не знаю. Может, тебя контузило на службе, и ты ночью просто меня придушишь, потому что я буду слишком громко сопеть во сне. Или ты вообще сексуальный маньяк и привез меня сюда, чтобы сделать свои грязные дела и закопать в лесу. Очень удачная локация, в такой глухомани меня и через пятьдесят лет не найдут!

— Очень недалековидно прямо в лицо заявлять маньяку, что он маньяк.

Неспешно оттолкнувшись от дверного проема, Стас медленно идет ко мне. Он немного прихрамывает на правую ногу, но на его лице не шевелится ни один мускул. Старая травма? Или он так рисуется передо мной?

Отступаю, минуя комнату. Оказываюсь в кухне и упираюсь задом в стол. Стас настигает меня неумолимо, останавливается в считанных сантиметрах. Он нависает надо мной, опускает ладони на стол по обе стороны от меня. Между нашими взглядами искрит, носы почти соприкасаются. Я чувствую его горячее дыхание на своих губах. Это так... интимно, что сводит живот.

У меня все внутренности дрожат, а желудок готов вытолкнуть все, что в нем есть, наружу.

— Если бы я был сексуальным маньяком, ты бы уже лежала лицом в стол, — Стас постукивает пальцем по столешнице. Я нервно сглатываю. — И ничто не помешало бы мне тебя трахнуть где-то на трассе. Стоит отъехать всего на двадцать метров от основной дороги, и можно делать что угодно. Никто бы даже не остановился проверить, все ли с нами в порядке, — он усмехается.

Мне вдруг становится так страшно, что я готова истерично завопить и броситься в какую-нибудь сторону, чтобы только быть как можно дальше от Стаса. Он ведь и правда мог все это сделать. И никто никогда бы и не узнал, что произошло с одной девочкой Катей, которая только вступила во взрослую жизнь и собралась выйти замуж за мужчину, которого не любит.

Ну уж нет, я так легко не сдамся. Я слишком мало видела в жизни, чтобы так легко поддаваться страху.

— Ты пытаешься меня запугать? — подаюсь вперед и толкаю Стаса в грудь. — Или тебе нравится показывать свое превосходство? — теперь наступаю я. Правда, мое наступление длится всего полтора шага, за которые я успеваю растерять всю смелость, потому что снова осознаю разницу в наших со Стасом габаритах и физических возможностях.

— Тебя пугаю не я, а то, что ты придумала в своей голове. И я не собираюсь питать твои фантазии.

Он разворачивается и собирается уйти. Я продолжаю стоять посреди комнаты в полном оцепенении. Что, блин, только что произошло?

— Я буду жить в летней кухне. Там есть все, кроме душа, поэтому ванная у нас будет общей, — Стас останавливается в дверях. Поворачивает голову вбок, но на меня не смотрит. Он делает глубокий вздох и проводит костяшкой пальца по деревянному откосу. — У меня нет никаких психических расстройств. Если бы они были, никто бы меня к работе не допустил.

Теперь мне становится стыдно за то, что набросилась на него с обвинениями. Стоило выбрать формулировки помягче, чтобы все узнать. Но, возможно, тогда бы Стас не отозвался, потому что, как бы то ни было, он среагировал на мою провокацию.

— Я... — не знаю, что хочу сказать. Мне жаль? Я больше так не буду? Глупости все это. Я ведь делала все осознанно. Просто я, как говорит Витя, не умею просчитывать наперед и поэтому говорю, что думаю, не анализируя, как это может повлиять на меня в будущем.

— Оставайся здесь, я принесу вещи.

11

К середине дня дом оказался полностью проверен, а в старом холодильнике появились пакеты с продуктами. Стас не слишком желал меня светить, поэтому попросил список и уехал на полчаса.

За это время пытаться сбежать было глупо, к тому же я даже территориально не представляла, где мы находимся. Поэтому сосредоточилась на том, чтобы немного обжиться на территории, а именно — навести порядок в доме.

Работы оказывается много: пыль не желает сдаваться, но несколько часов спустя я побеждаю три главные комнаты в доме — кухню, ванную и гостиную, где стоит достаточно широкий диван.

Выбирать себе спальню я как-то не решилась. Во-первых, это чужой дом, пусть и заброшенный, и у меня нет никакого права злоупотреблять гостеприимством. Во-вторых, Стас тоже не был слишком уж добрым и не показал мне здесь ровным счетом ничего, а ходить по комнатам самой все равно что против воли вмешиваться в чужую жизнь.

Забравшись на подоконник, снимаю тонкую тюль, которая посерела от пыли. Со стиральной машинкой тут проблемы, поэтому меня ждет упорный ручной труд. Можно, конечно, напрячь солдафона, но я почему-то не решаюсь.

Возможно, все дело в том, что он наверняка откажет, потому что он чертов козлина без грамма чувств. А может быть, он просто слишком сильно сосредоточен на облагораживании двора, и я не хочу его отвлекать. Зависнув возле окна с занавеской в руках, я плююсь на широкую спину.

Стас ловко орудует косой. Он в одних шортах, и мой взгляд прилипает к крепкому натренированному телу. Я вижу каждую мышцу и не могу оторваться от завораживающего зрелища. Вот он отводит плечо в сторону и делает резкий взмах. Мои ноги подкашиваются, будто я скошенная травинка. Опускаю ладони на подоконник и продолжаю наблюдать.

Его движения быстрые, выверенные и умелые. Стас медленно движется в сторону дома. Плечи и косые мышцы находятся в постоянном напряжении. По нему можно изучать анатомию! Кожу на подушечках пальцев жжет от желания прикоснуться, а в груди разрастается странный пожар, и я не сразу понимаю, что Стас меня заметил.

Боже, он видел, что я пялилась!

Мы так и продолжаем стоять: он — выпрямившись, я — с вызовом подняв бровь.

Если не позволять себя смутить, то Стас не поймет, что на самом деле я готова сгореть от стыда. Вздохнув, он закатывает глаза и принимается за работу.

Я тоже поспешно отхожу от окна. Щеки горят так, что на них можно жарить яичницу.

Почему я вообще пялилась на него? Еще и думала, каким будет первое прикосновение? Это свежий деревенский воздух подплавил мои мозги? Видимо, я не могу жить без выхлопных газов и звуков каменных джунглей, раз начинаю заглядываться на бесчувственного засранца, который только и делает, что бесит меня каждую секунду своего существования.

Я не должна была позволять себе подобного при живом женихе. Оставив занавеску на полу, иду к телефону. Включив, сажусь на край дивана и жду загрузку. Нога нервно дергается, с каждой секундой наращивая темп. И внутри у меня такой же тремор.

Мне стоило позвонить Виктору сразу же, а не заниматься уборкой. Но я как-то совсем не подумала, что мы не общались очень долго, если учесть ситуацию, в которой оказались.

Сети нет.

И это, наверное, ожидаемо.

Вряд ли Стас привез бы меня туда, где все идеально работает и я могу позвонить Вите в любое время.

Спрашивать, где здесь можно поймать сеть, я пока не решаюсь. Для этого нужно набраться смелости, чтобы посмотреть Стасу в глаза. А у меня пока ее недостаточно. Вся закончилась на переглядках.

Взяв занавеску, иду в ванную. Там есть огромный таз, который, видимо, использовали для стирки. Замачиваю в нем занавески, смываю с них пыль и повторяю процедуру, щедро засыпая их порошком.

Попутно заканчиваю уборку. Все это выглядит как домашняя рутина, и она успокаивает нервы. Я уже не так переживаю из-за того, что не позвонила Вите. Не волнуюсь из-за собственной реакции. Это ведь нормально, что мне понравилось красивое тело Стаса. Просто эстетика, и ничего больше. Я не нафантазировала нам совместного будущего и двоих детей, не дорисовала нам романтику. Просто посмотрела. И это не делает меня предательницей.

Входная дверь открыта, и я слышу, как Стас с кем-то разговаривает. Высунув нос на улицу, замечаю его за воротами. Мне не видно, кто там, но голос женский. Возможно, бабушка-соседка. И она, наверное, очаровательная, потому что вечно угрюмый солдафон ей улыбается и даже наклоняется, видимо, чтобы она его обняла.

Может, в обычной жизни он все-таки не такой хмурый, а мне досталась его рабочая версия? Почему-то становится обидно.

Нам придется какое-то время провести вместе, и я не хочу постоянно обороняться или нападать. Мне нужно перемирие.

За моей спиной что-то с грохотом отлетает, а после я слышу шипение.

Вскрикнув, разворачиваюсь и бегу на звук.

Он доносится из ванной.

Залетаю внутрь, и меня тут же окатывает теплой водой, которая бьет прямо из стены, пока смеситель валяется на полу, а в тазу с моими занавесками куски ржавчины.

— Стас! Стас, мне нужна помощь! — выставляю руки перед собой, закрываясь от брызжущей во все стороны воды. Пытаюсь найти кран, где перекрывается вся вода. — Стас!

— Катя, что случилось? — кричит, останавливаясь прямо за моей спиной. Я не успеваю даже задуматься об ответе, как Стас обхватывает мою талию и меняет нас местами, отгораживая меня от потопа своей могучей спиной. — Ты в порядке? — его взгляд скользит по моему лицу, пока ладонь сильнее давит на поясницу, прижимая меня к крепкому телу.

Стас убирает с моего лица волосы, смотрит на губы, спускается по шее к груди. Мне вдруг становится жарко, а затем нестерпимо холодно. Мозговой центр заклинивает от противоречивых сигналов, которые подает мое тело, потому что сейчас я одновременно хочу прижаться к Стасу и сбежать от него как можно дальше.

Все мои внутренности сжимаются, когда он делает глубокий вздох. Стас промокает с рекордно быстрой скоростью. С волос капает вода, по все еще голому торсу струятся ручейки. Я смотрю, как они опускаются к животу и растворяются между нашими телами.

— Кран... сорвало, — говорю, облизывая пересохшие губы. Дышать становится нечем, особенно когда я понимаю, что в низ живота мне упирается кое-что очень твердое. И вряд ли Стас носит в кармане шортс пистолет. — Нужно перекрыть воду.

— Да, — соглашается он внезапно севшим голосом. — Кран на улице, — меня обжигает его горячее дыхание. — Я скоро, — с этими словами Стас закрывает дверь ванной и выходит из дома.

12

Твою. Мать.

Мы и дня вместе не провели, а уже все разваливается со скоростью света.

Выхожу на улицу и перекрываю кран. Он в колодце сразу за двором, где идет разводка водоснабжения, поэтому получается, конечно же, не сразу, зато мозг отвлекается от стройного и красивого женского тела, которое я грубо прижимал к себе.

И я даже объяснить себе не могу, зачем это сделал. Просто в моменте схватил ее, не понимая, что происходит, а потом не смог отпустить. Посмотрел в ее глаза и пропал в них, забыв вообще обо всем. Пару секунд спустя тело напомнило, что секса у меня не было уже три месяца, и Катя вдруг перестала казаться наглой мажоркой, а стала очень привлекательной девушкой, слишком мокрой, чтобы я мог сдерживать физические потребности организма.

И, конечно, у меня встал.

На чужую девушку. На работу, блять.

— Сука, — тихо ругаюсь себе под нос, выбираясь из колодца.

В моем детстве он казался мне глубоким и страшным, сейчас же я ныряю и вылезаю на улицу, не используя никаких стремянок и табуретов.

Возвращаться не спешу. Пару минут стою за двором и думаю, как вести себя дальше.

Мой стояк — это просто реакция на красивую девушку, не больше. Я давно не трахался, а она была мокрая и горячая в моих руках. Логично, что на меня накатило возбуждение. Было бы странно, если бы этого не произошло.

Поэтому ничего страшного. От того, что у меня в штанах все ожило, я не перестану держать эмоции под контролем. Катя — боевая задача, которую нужно выполнить или хотя бы просто пережить.

Взъерошиваю волосы ладонью и, запрокинув голову к небу, тру шею.

Ярко, и я зажмуриваюсь. Глубоко дышу.

Катя удивила меня, когда мы приехали. Я ожидал истерики, возмущений и чего угодно, но только не того, что она начнет убираться. Не молчаливого принятия, которое произошло, можно сказать, без сучка и задоринки.

Поэтому я и согласился оставить ей дом. А еще потому, что оказался не готов жить в нем. Слишком много воспоминаний здесь, чтобы так легко оставить их в прошлом. Конечно, я уже бывал здесь после того, как остался только с бабушкой. Заходил в комнаты, вспоминал.

Тяжело остаться сиротой, когда от тебя отказываются родители. Но это быстро прошло. В двадцать лет я хотел продать дом, почти нашел покупателя, но потом подумал, что тогда мне будет некуда вернуться. Глупости, конечно, у бабули свой дом, и она бы точно не выгнала меня на улицу, но десять лет назад мне хотелось независимости, поэтому я отклонил предложение и после пустил дом практически на самотек.

А потом в городе у меня появилась своя квартира, и дом в принципе потерял для меня актуальность, став обузой и печальным напоминанием о грустном детстве.

И вот я снова здесь.

Не спеша возвращаюсь в дом.

Сразу иду в ванную. Катя уже кружится там с тряпками и ведром, я же какое-то время только смотрю, прислонившись плечом к косяку. А когда чувствую знакомое покалывание в пояснице, тут же выпрямляюсь по стойке смирно и прочищаю горло, обозначая свое присутствие.

Катя тут же поднимается на ноги и роняет тряпку на пол.

Мы смотрим друг на друга непростительно долго. На ее щеках легкий румянец, и мне интересно, я ли вызываю такую реакцию или ей просто жарко от физического труда. Моему эго хочется, чтобы это, конечно, происходило из-за меня. Здравый смысл убеждает в обратном.

— Ты не обязана здесь все убирать, — говорю мягко и подхожу ближе.

— Я не хочу жить в грязи, — морщит она свой маленький нос. — Беспорядок в доме — бардак в мыслях.

— Поступай как знаешь, — сдаюсь сразу же. Не могу же я ее заставить сесть на стул и свесить ножки.

— Слушай, Стас, — она переступает с ноги на ногу. — Где можно взять подушку и постельное белье? У меня с собой ничего нет.

— В этом доме три спальни, можешь занять любую комнату.

— Я решила, что буду спать в гостиной, — Катя поджимает губы. — Мне некомфортно занимать чью-то постель.

— Ладно. Пойдем, — выхожу первым и иду по дому. Он ожил после уборки и больше не похож на богом забытое место.

Я захожу в спальню родителей, тут самый большой шкаф, а еще есть все, что нужно. Беру с кровати подушку, из шкафа — два комплекта постельного белья. Оно хрустит в руках, до сих пор накрахмаленное.

Катя осматривается. Подходит к стене, на которой висят фотографии. Их много, в основном все из юности родителей, но есть парочка и со мной.

— Это что, твой дом? — Катя переводит взгляд с фотографии на меня и обратно.

Подхожу ближе, рассматриваю, что меня выдало. На фото мне лет пять, я без передних зубов, сижу у бати на шее, а мама смотрит на нас с улыбкой. Мне даже кажется, что я помню тот день, но сознательно не вдаюсь в воспоминания.

— Думаешь, это я? — спрашиваю с вызовом. Конечно, я не собираюсь утаивать от нее эту информацию, в ее сохранности нет смысла. Это всего лишь моя маленькая провокация.

— Это определенно твоя самая милая версия из всех. Но я догадалась по другой фотографии, — кивает она и указывает пальцем на другое фото, где мне уже двенадцать и я в форме училища.

Наверняка рамку на стену уже вешала бабушка. Мама тогда уже почти перестала со мной говорить.

— Дом в твоём распоряжении, Катя, — перевожу тему, проваливаясь в плохо контролируемые чувства. То ли во мне говорит тоска по прошлому, то ли цитрусовый запах Катиних духов дурманит разум, вынуждая фокусироваться только на ней. — Тебе необязательно спать на диване. К тому же он не очень удобный.

Мы возвращаемся обратно. Катя идет впереди и сильно спешит, а я смотрю на ее покачивающиеся из стороны в сторону бедра, понимая, что сегодня буду видеть эту сочную попку во снах, если вообще смогу уснуть.

— У меня вроде как не осталось выбора на сегодня. Долго в доме не будет воды?

— Я постараюсь решить это завтра. На улице есть душ, я успел набрать воду, через пару часов она точно прогреется.

— Деревенские радости? — улыбается она мне тепло и открыто, так что я даже сам почти дарю ей улыбку в ответ, но ограничиваюсь только легким кивком.

— Все, что у нас есть.

13

Я сажусь на лавочку во дворе и облокачиваюсь на стол. Зажимаю телефон Стаса между плечом и ухом.

— Конечно, Вить, я бы позвонила сразу, но на моем телефоне нет сети. У Стаса другой оператор, поэтому связь возможна только через него, — вздыхаю, почему-то чувствуя облегчение.

Это первый раз за три дня, когда мы созваниваемся с Виктором, и мне невыносимо от мысли, что приходится ему недоговаривать. У меня никогда не было от него секретов, я всегда предельно честная с ним. Считаю, лучше сразу показать все свои недостатки и вывалить истеричные мысли, чем потом съесть себя за то, что промолчала.

Но мне приходится, даже когда Витя настаивает на том, чтобы я сказала ему наше местоположение.

Стас сказал этого категорически не делать, и это были единственные слова, которые он произнес за последние два с половиной дня. После потопа и того странного разговора в спальне Стас включил молчаливый режим. Не знаю, все ли дело в том, что между нами... встал вопрос, но только-только начавший таять лед снова сковало. И я осталась в гордом одиночестве с тотальным отсутствием каких-либо занятий.

Дом был убран, каждый день я баловала себя свежеприготовленными завтраками, обедами и ужинами, коротая время. А по вечерам сходила с ума, и даже книжки, стоявшие в шкафу, не помогали, потому что там была сплошь классика, вгонявшая меня в тоску.

Стас, надо признать, не выглядел скучающим. Утром и вечером он тренировался прямо во дворе, снова расхаживая перед моими окнами в одних шортах, не оставляя мне возможности не пялиться. Днем он занимался домашними делами: чинил дверь в сарае и крышу на летней кухне. Собирал ягоды и рвал фрукты с деревьев.

Сегодня я почти сдалась и вышла предложить помощь, но потом струсила. Что если он скажет нет? Я так испугалась собственных предположений, что осталась сидеть в комнате и медленно сходить с ума. Даже подумала перестирывать занавески снова, но в итоге просто ушла готовить, чтобы занять руки и перестать уже смотреть на угрюмого солдафона, которому до меня нет никакого дела.

Не знаю, по какой причине, но Стас меня... волнует. Возможно, это страх. Может быть, интерес. Я совру, если скажу, что по коже не побежали мурашки, когда Стас прижал меня к себе в ванной.

Что-то изменилось в моем восприятии, и это нельзя отрицать.

— ...Ты слышишь меня? Алло? — голос Вити пререзает мысли, и я часто моргаю, перевожу взгляд в сторону, натываясь на Стаса, который стоит достаточно далеко, чтобы не подслушивать, но контролировать ситуацию.

— Связь пропала, — вру без зазрения совести. — Повтори, пожалуйста, — кусаю губы, но не чувствую себя виноватой.

— Говорю, звони мне каждый день. Каждый. День. Поняла? — его голос твердый, а интонации — безапелляционные.

— Хорошо, — соглашаюсь, но тут же добавляю: — Если Стас будет любезен одолжить свой телефон.

Я не хочу злоупотреблять его добротой. Тем более, что-то требовать.

— Напомни ему, на кого он работает, если будет отнекиваться, — Витя, как всегда, грубоват в формулировках.

Я же усмехаюсь, представив, как Стас на эту реплику закатывает глаза и качает головой. Ему вообще плевать на любые угрозы, он их попросту не воспринимает и идет дальше по намеченному пути, превращая все препятствия в фоновый шум.

— Я постараюсь, ладно? — смягчаю тон разговора. — Лучше расскажи, как у тебя дела?

— В пределах нормы, — коротко отвечает Витя, и это значит, что у него жопа, но контролируемая и ожидаемая. Я уже выучила его ответы, чтобы не заходить с расспросами дальше, чем нужно. — Я соскучился по тебе, Катюш.

И почему-то именно в этот момент я замечаю движение сбоку. Стас, оттолкнувшись от ствола дерева, медленно идет ко мне. Бьет указательным пальцем по запястью, намекая, что время вышло.

Я теряюсь и кусаю щеку изнутри. Не мог он немного подождать? Потому что теперь я чувствую себя предательницей. Мои щеки вспыхивают от стыда. Перед глазами проносятся картинки из ванной, когда мы прижимались друг к другу. Даже сейчас кожа вспыхивает в тех местах, где Стас меня касался.

Это необъяснимая реакция тела. И мне стыдно за нее. Перед собой и перед Витей, потому что к нему я не испытывала и десятой доли того, что почувствовала три дня назад.

— Я тоже, — все, что могу выдавить из себя. «Скучаю» так и остается на кончике языка, и я проглатываю его, не способная произнести приятные слова. — Прости, мне пора. Обязательно еще созвонимся, — произношу на одном дыхании и вешаю трубку как раз тогда, когда Стас оказывается рядом.

Кладу телефон на край стола. Пульс разгоняется, и тело бросает в жар.

Стас молча забирает его и отходит на несколько шагов назад, снова давая мне возможность дышать полной грудью. Его присутствие отзывается во мне бурей эмоций, которые я не могу охарактеризовать. Я злюсь, негодую, волнуясь, даже немного боюсь. И есть в этом коктейле что-то еще, что не поддается анализу. Нечто иррациональное, что порождает в моей голове мысли, которых там никогда не должно было быть.

— Эй! — окликаю его, когда Стас собирается уйти. Тоже встаю, когда он оборачивается и смотрит на меня через плечо. — Мы теперь все время будем *так*? — развожу руками, не понимая, почему между нами столько холода.

Стас ненадолго сжимает челюсти, так что я вижу выступающие желваки. Он крепче сжимает телефон в кулаке и быстро берет под контроль эмоции, равнодушно пожимая плечами.

— Я твой телохранитель, нам необязательно быть друзьями. К тому же, я не вожу дружбу с девушками.

— Я не набиваюсь к тебе в друзья, — закатываю глаза, пока он не ляпнул что-то, отчего мои щеки снова покраснеют. Дружба — последнее, о чем я думаю, когда вижу Стаса. Ненависть, раздражение, влечение — это только малый набор, и там точно нет даже приятельства, не говоря уже о большем. — Но мы ведь можем нормально общаться?

— Это как? — он разворачивается и с интересом меня разглядывает.

— Для начала здороваться, — я обвожу взглядом двор. Замечаю ведро с персиками, которое Стас насобирал с утра. — Или вот, например, Катя, я собрал персики, они сладкие и сочные, хочешь попробовать?

— Это абрикосы, — отвечает, как только я заканчиваю, и я мысленно рычу от раздражения. Господи, зачем я вообще все это затеяла? — И они правда вкусные. Сладкие и сочные. Если хочешь, бери, — добавляет Стас, и я вижу, как приподнимаются уголки его губ в слабом намеке на улыбку.

14

Проснувшись утром, я первым делом выхожу на крыльцо. Там меня ждет уже ставший традицией утренний урожай ягод и фруктов. Дары местной природы, которые любезно собрал для меня Стас.

Мы не обсуждаем это. Он просто оставляет все у входной двери, а я забираю, не имея возможности его поблагодарить, потому что все, что делает мой угрюмый телохранитель — это наблюдает за мной издалека и предпочитает не разговаривать. Мне начинает казаться, что у него есть какой-то запас слов на определенное время, и он снова их истратил, иначе почему все время молчит.

Даже когда я созваниваюсь с Витей, Стас молча передает мне телефон и отходит на расстояние, с которого не сможет нас слышать.

Сегодня в моей фруктовой корзине много абрикосов, и я, не зная, что делать со всем этим добром, решаю испечь пирог. Будет вкусно, если я, конечно, ничего не испорчу. Иначе Стасу придется внеочередной раз съездить в магазин.

Быстро смешиваю нужные ингредиенты, нахожу даже идеальную форму, в которую выливаю тесто и укладываю сверху персики. Миссия выполнена! Ставлю в духовку и выхожу на улицу как раз к часу созвона с Виктором.

Стас уже ждет меня на скамейке. О чем-то переговаривается по телефону. Заметив меня, замирает на полуслове и гипнотизирует взглядом, пока я иду навстречу. Чувствую себя как на подиуме! Интересно, как модели справляются с тем, что на них смотрят сотни глаз? Мне от одной пары хочется начать вышагивать от бедра и держать плечи ровными, а голову прямой.

— Екатерина здесь, я сейчас передам ей трубку, — говорит Стас, не собираясь отводить взгляд.

Я забираю телефон из его пальцев, случайно касаясь. Кожу в местах прикосновения снова покалывает. Это какая-то странная реакция моего тела на другого человека. Может, аллергия? Или индивидуальная непереносимость. Я слышала, что если в отношениях люди друг другу не подходят, то у женщины начинаются всякие высыпания, молочницы и прочие проблемы со здоровьем. Что если в обычной жизни такое тоже может быть? Видишь какого-нибудь неприятного человека, и все чешется. Или, например, мерзнут руки, когда прикасаешься к какой-нибудь завистливой коллеге.

Нужно поразмыслить над этой теорией получше и разобраться, что со мной и Стасом не так.

— Привет, Вить, — бодро говорю в трубку, натягивая на лицо счастливую улыбку.

Под пристальным наблюдением говорить невыносимо. Мне хочется как можно скорее положить трубку, чтобы избавиться от настойчивого внимания. Тем более что с каждым днем общаться с Виктором все сложнее. У нас нет общих тем для разговоров, нет точек соприкосновения. Он никогда не понимал, зачем мне успех и самореализация, я не вникала в его работу. Нам просто было неинтересно. Витя считал, что после замужества я стану жить по его правилам. Я же собиралась быть послушной женой и делать все, что мне вздумается, пока муж будет на работе.

— У меня для тебя хорошие новости, — в его голосе столько радости, что по коже пробегают легкие волнения. — Это еще не точно, но все идет хорошо, и, скорее всего, через три дня ты вернешься домой, — я слышу, как он улыбается.

Натянувшаяся в груди пружина разжимается, но не до конца. Что-то не дает мне окончательно расслабиться и порадоваться вместе с Витей. Я прогуливаю работу. Сегодня пятница, меня не было целую неделю, и я даже связаться ни с кем не могу, чтобы объясниться. Просто был стажер, а потом пропал, зато появился ее жених, который вроде как все разрулил.

— Каковы шансы?

— Примерно сорок на шестьдесят, — спокойно заявляет Витя, уверенный в том, что все будет так, как он предполагает. Вот только это даже не половина. Никто не согласует проект многоэтажного дома, если сказать «фундамент выдержит дом, я уверена в этом на сорок процентов». В архитектуре нет вероятностей, там все должно быть четко и без дополнительных трактовок. Поэтому я не могу радоваться Витиной арифметике. Для меня это слишком маленький показатель.

— Тогда я буду ждать новостей, — стараюсь звучать милой и скучающей, но морально закрываюсь на все замки. Я не хочу продолжать этот разговор, в нем совершенно нет смысла. Я больше расстроилась, чем обрадовалась, и теперь мне следующие три дня жить с чувством, случится это или нет. Я только приучила себя не ждать и просто жить, а теперь все по новой.

Злюсь.

— Люблю тебя, малыш, — говорит Виктор, вот уже во второй раз за наш короткий разговор ставя меня в неловкое положение.

Он знает, что я не отвечу ему тем же. Я не признавалась ему в любви, не говорила, что испытываю нечто подобное. Просто обещала быть рядом и поддерживать его. Обещала, что постараюсь полюбить. И каждый раз, когда он признается, я чувствую себя бессердечной сукой, потому что не могу ответить ему тем же.

— Надеюсь, скоро все закончится, и мы снова будем вместе, — максимум того, на что меня хватает.

Впервые мне плохо от этих слов, потому что без Вити рядом я чувствую себя гораздо спокойнее. Он во многом мне помог, но его внимание всегда душило. Меня не покидала вина все время, пока мы были в обществе друг друга. А теперь она исчезла, потому что наши разговоры длятся не дольше пяти минут.

— Катюш...

— Прости, мне пора, а то пирог сгорит, — я отключаюсь быстро, попадая со второго раза.

Обхватываю свои плечи и, подняв голову к небу, глубоко дышу. Я никогда не думала, что отношения могут быть похожими на клетку, но это она и есть. И сейчас дверца открыта, но я все равно не могу сбежать, потому что преданная и выдрессированная зверушка всегда возвращается к своему хозяину. Условный рефлекс. Витя появился в темный момент моей жизни. Рядом с ним стало светлее, и кажется, если рядом не будет его, то я снова провалюсь во тьму.

Тряхнув головой, отгоняю дурные мысли. Лопатки все еще жжет от взгляда угрюмого солдафона. Нельзя показывать слабость перед Стасом. Он должен думать, что я счастливая невеста. А кольцо не ношу, потому что боюсь потерять.

Возвращаюсь к нему и кладу телефон на стол.

Стас хмуро за мной следит. Он будто насквозь меня видит, потому что, стоит мне подойти ближе, как он становится смурнее. Не может же он так хорошо меня чувствовать.

— Из дома вкусно пахнет, — Стас кивает на открытую дверь, первым заводя разговор.

Во дворе действительно пахнет ванилином и выпечкой. Я втягиваю аромат и мечтательно прикрываю глаза, проваливаясь в воспоминания о счастливом детстве, когда бабушка пекла плюшки и пироги по выходным, а мы с папой играли во дворе.

Интересно, Стас тоже думает о детстве?

Я уже собираюсь спросить, но в последний момент осекаюсь. Мы не друзья, чтобы обсуждать подобные темы, и даже не хорошие приятели. Я не хочу снова выглядеть наивной дурочкой в его глазах, которая не знает, когда замолчать.

— И не мечтай. Я не собираюсь тебя кормить, — предупреждающе качаю головой и отступаю от стола. — Ни-ког-да.

— Даже не знаю, как жить с этой утратой, — усмехается Стас. Он сейчас выглядит совсем иначе. Расслабленный, спокойный. Мне будто случайно попалась другая версия, я не знаю, как себя с ним вести. Поэтому не придумываю ничего лучше, чем показывать ему язык и сбежать в дом.

15

К двадцати трем годам мне бы стоило запомнить простую истину: никогда не стоит бросаться громкими категоричными словами, если не хочешь выглядеть полной дурочкой в глазах окружающих.

Но это была бы не я, если бы я думала о последствиях до того, как что-то сделать.

Знакомьтесь, Катя Самойлова, у которой «никогда» длится примерно восемь часов.

Я аккуратно выставляю на поднос еду и даже кладу огромный кусок пирога, который вообще не собиралась ни с кем делить. Но что-то во мне сломалось. Возможно, я просто млею, когда Стас первым начинает разговор. Мозг превращается в вязкую кашу, и я оказываюсь неспособной мыслить трезво. А может быть, все дело в том, что он опять ест одни бутерброды.

Я стараюсь не думать о причинах, потому что у меня нет ни одного внятного ответа. Просто мне кажется, что еще один шаг навстречу не помешает, особенно после того, как он первым завел разговор.

Вздыхнув поглубже и взяв поднос покрепче, выхожу на улицу.

Стас сидит на скамейке спиной ко мне. Не реагирует, когда скрипит входная дверь.

Подхожу ближе, сердце колотится в горле. Я волнуюсь. Так глупо. Я знаю, что вкусно готовлю, но почему-то предлагать другому свою стряпню страшно.

— Я приготовила ужин, — опускаю поднос на стол. Стас по-прежнему не оборачивается — как пялился прямо перед собой, так и сидит, не двигаясь. — Поешь, —двигаю еду ближе к нему.

Вечер сегодня теплый, и я жалею, что принесла только его еду, оставив свою порцию в кухне. Хотя, наверное, я бы умерла от обиды и стыда, если бы этот вояка оставил меня в одиночестве, демонстративно отказавшись от еды.

— Ты говорила, что ни за что на свете не станешь для меня готовить, — он не оборачивается, но я слышу усмешку в голосе.

— Это было до того, как я поняла, что ты можешь умереть из-за гастрита.

Он питается одними бутербродами! На завтрак, обед и ужин. Кто вообще в здравом уме будет так жить?

— От него не умирают, — Стас качает головой. Мне кажется, он вот-вот повернется, и я ужасно волнуюсь. Что если ему не понравится? Господи, зачем я вообще об этом думаю? Нужно было сидеть в доме и молча уплетать котлетки, а не поддаваться состраданию.

— Тогда можешь отдать еду соседскому псу, — закатываю глаза и разворачиваюсь, намереваясь уйти и не разговаривать с этим засранцем следующие три дня, пока мы не поедем за продуктами.

— Кать, — окликает меня. От низкого тембра его голоса по коже бегут мурашки. Я останавливаюсь, сделав шаг. Смотрю на Стаса через плечо. Он уже повернулся, его взгляд прикован ко мне. Мы молчим, пауза между нами затягивается, а время превращается в вязкий кисель. У меня покалывает кожу от предвкушения и того, что он скажет. Кажется, это должно быть что-то... приятное? Что-то, что сделает моего телохранителя не таким угрюмым? — Ты же ничего туда не подсыпала? — прищурившись, внимательно следит за моей реакцией.

Какой же он невыносимый! Бесчувственный солдафон!

— Попробуй, и узнаешь, — пожимаю плечами и быстро ухожу в дом. К черту его! И мою доброту туда же.

Я так злюсь на себя и на него, что проглатываю свой ужин, даже не заметив. До конца дня прячусь в доме, даже к окнам не подхожу, чтобы случайно не наткнуться на мрачный тяжелый взгляд.

Ложусь спать, как только окончательно темнеет. Заниматься здесь нечем, а включать свет я принципиально не хочу.

Я проваливаюсь в глубокий сон без сновидений и открываю глаза, когда в окна бьет утренний свет. Лениво потягиваюсь.

Чувствую себя гораздо лучше, чем накануне вечером, но в груди все равно поселяется тяжесть. Она не смывается контрастным душем, не исчезает, когда я надеваю легкий сарафан и подкрашиваю ресницы и губы, только чтобы чувствовать себя увереннее.

Сегодня я не жду ничего, когда открываю дверь, но на пороге вместе с уже привычными ягодами стоит вымытая посуда, а на подносе — небольшой букет полевых цветов. Тут же его хватаю и заношу все в дом.

Утыкаюсь носом в разноцветные цветочки. Какие-то маленькие, другие крупнее. Запах от них фантастический, и с каждой секундой улыбка на моем лице растягивается все шире. Еще немного, и треснут щеки.

Я ставлю цветы в стакан, потому что не вижу нигде вазы, и отправляю его на подоконник, где больше солнца.

Настроение стремится к отметке «потрясающее». Пританцовываю на месте, когда ставлю чайник. Выношу во двор пирог и кружку, решаю позавтракать там. Сегодня сделанный шаг не кажется мне плохим или неуместным. Просто мы со Стасом слишком разные, и там, где я жду моментальной реакции, ему, наоборот, нужно чуть больше времени на осознание.

Готовая примириться с характером своего телохранителя, я с горячим чайником в руках выхожу во двор. Калитка открывается тихо, если бы не видела — ни за что бы не услышала.

Я внутренне напрягаюсь, точно зная, что за ней не Стас. Его было бы видно, ворота высотой с меня.

Перехватываю чайник покрепче. А что, если нас кто-то нашел? Не зря же Стас так много внимания уделял безопасности.

Смотрю на свою руку. Время растягивается, каждая секунда превращается в вечность. Я не знаю, стоит ли мне закричать. Может, просто спрятаться в доме? Или вообще сбежать в летнюю кухню, надеясь, что Стас будет там?

Я вдруг впервые осознаю всю опасность ситуации. Стас единственный, кого я здесь знаю. Что если с ним что-то случится? Кто тогда мне поможет?

Нервно облизываю губы и поднимаю руку с чайником выше. Я не жестокая, мне никогда не хватит смелости плеснуть во врага кипятком, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Но может, ему окажется достаточно и угрозы?

Весь мой страх отступает моментально, когда в проеме показывается милая бабушка в цветастом платье и с платком на голове. Она с трудом переставляет ноги, переваливаясь с одной на другую. В руке у нее авоська, но что внутри — разглядеть не получается. Что-то бережно завернутое в старые желтые газеты.

Заметив меня, женщина замирает. Долго смотрит, но потом улыбается и приветливо мне кивает.

— Д-доброе утро, — растерянно здороваюсь. Смотрю ей за спину, но там никого нет. — А вы к кому?

— Доброе, — тянет она. Голос немного осипший, но интонации все равно теплые. — А Стасик еще спит? — женщина закрывает за собой калитку, остается во дворе.

Она ведет себя по-хозяйски, будто бывает здесь очень часто.

— Не знаю. Не видела его сегодня, — признаюсь. — А вы?..

— Тамара Константиновна, его бабушка.

16

Утренний поход за грибами ни черта не помог проветрить мозги. Пока брожу по сырому лесу, только и делаю, что думаю о Кате и о том, что мне ее нельзя.

Она — задача, которую нужно выполнить, чужая невеста и непрекращающаяся головная боль. Вот только чем дольше мы находимся здесь, тем чаще я задерживаю на ней взгляд и тем больше порочных мыслей возникает в моей голове.

Катя — взбалмошная и искренняя, все ее эмоции как на ладони. И, наверное, меня сожрала совесть за то, что вчера я попытался ее оттолкнуть. Поэтому я и нарвал цветов рано утром. Они только-только распустились, на некоторых лепестках еще не обсохла роса.

Тогда меня не смутило, что один маленький букет может восприняться как неправильный знак. Я не думал об этом, но мне уже и не двадцать три, и я не эмоциональная девчонка, которая пытается завести дружбу со своим телохранителем.

Блядь. Почему всегда все через жопу?

Со злости пинаю носком траву под ногами. Потому что в глубине души я хочу, чтобы она все не так поняла. Чтобы подумала обо мне хотя бы минуту. Несправедливо, что в последние два дня я сутки напролет представляю ее в самых дерзких фантазиях.

И это еще одна причина держать ее как можно дальше, ведь с каждым днем сдерживать себя становится сложнее. Я хочу убедить себя, что все это — обстоятельства. Мы здесь вдвоем, больше никого нет. Да и Катя слишком красивая, чтобы на нее не смотреть. А я очень долго заикливался на своей проблеме и отказывался видеть мир вокруг, чтобы теперь, насильно оказавшись в нем, игнорировать происходящее.

К дому я подхожу с другой стороны. Тут нет калитки, но забор здорово прохудился. Бабуля компенсировала недостающие доски старым листом шифера, который я без труда сдвигаю в сторону. У меня два полных ведра, надо бы унести все к Ба и помочь переработать, только вот как оставить Катю одну посреди дня?

Это утром легко: она спит, и я могу делать что угодно. Но как объяснить, куда я пропаду в обеденное время?

Когда подхожу к забору дома, слышу Катин смех: звонкий, громкий. Внутренне напрягаюсь. С кем она? Связь появилась или кокетничает с дядей Борей с соседней улицы?

Оставив ведра, быстро иду на звук. Теперь к нему прибавляется еще и звон чашек и ложек. Когда выхожу из-за угла дома, замираю. Катя сидит во дворе с моей бабулей. Ба ей что-то рассказывает, на столе выставлен чайник, вчерашний пирог, с которым я чуть не проглотил язык, и свежие бабушкины пирожки.

— Мы весело жили тут. В молодости все было по-другому, — ностальгически тянет моя ба, пока Катя подливает ей чай в кружку.

Я притормаживаю, наблюдаю за картиной. Такая идиллия, что мне даже вторгаться не хочется. Но присутствие надо бы обозначить. Если бабуля пустилась в рассказы о прошлом, значит, сидят они давно, и все подробности про меня она уже выдала.

— Как по-другому? — Катя садится на скамейку и, подперев подбородок руками, чуть подается вперед, внимательно слушая.

— О-ой, мы тут столько по деревне шуму наводили. По вечерам песни пели, днем ходили на речку купаться, а утром — в полях вокруг трудились. Все были при деле, и все дружили. А теперь... никому ничего и не надо. Каждый только о себе печется.

— Может быть, — пожимает плечами Катя. — А какие песни пели?

— *«Звездочка тучку задела, росы роняет туман.*

Песня вдали пролетела, песня вдали пролетела,

И подпевал ей, и подпевал ей, и подпевал ей баян.

И подпевал ей, и подпевал ей, и подпевал ей баян».

Я подхожу ближе, пока ба продолжает песню. Голос у нее уже не такой звонкий, как раньше, но все равно льется. Катя, прикрыв глаза, медленно покачивается в такт.

— Ой, Стасик, мы и не слышали, как ты пришел, — бабуля останавливается и протягивает ко мне руку. — Меня Катюша развлекала.

— Или вы меня, — добавляет робко Катя и переводит на меня испуганный взгляд. — Тамара Константиновна искала тебя. Мы звали, но тебя не было, и я предложила подождать, — она нервничает, и я жалею, что вообще вышел. Стоял бы возле дома, слушал, наслаждался идеальной картиной.

А теперь все испортил.

— За грибами ходил, — улыбнувшись, обнимаю бабулю. Катя отодвигается, освобождая для меня место. Я качаю головой и делаю шаг назад. — Два ведра. Поем, и отвезу вместе с абрикосами. Побудешь еще тут?

— Конечно, побуду. В такой компании отчего бы не побыть, — отмахивается от меня бабуля. — И кстати, абрикос так скрипит во время ветра, как бы не упал на крышу. Спилит бы ты его, пока тут.

— Закончу обрывать, и сделаю, — ставлю галочку в списке дел. Тут, на самом деле, занятий хватит до конца лета. И я не уверен, что все успею, но бабуле не признаюсь. Я сказал, что мы тут на неопределенный срок. А еще я просил не приходить, но у моей ба на все есть свое мнение. — Руки помою и к вам присоединюсь.

— Я принесу чашку и тарелку, — Катя оборачивается и подскакивает с лавки.

— Сиди, я сам возьму, — бросаю ей через плечо и иду к умывальнику во дворе.

— Ну и чего насупилась? — слышу голос ба. — Расстроилась, что поухаживать за собой не дал?

— Нет, просто... — Катя что-то тихо говорит. Я не могу разобрать.

— Тю! Ты не смотри, что он грубиян. Он этим в деда. Это не характер такой, это от неблагодарности. Недолюбили его, вот и кусается.

Закатываю глаза. Ну да, все проблемы родом из детства. Непроработанные родители и что там еще. Бабуля, правда, долго переживала, что не смогла мне дать всего и только несколько лет назад успокоилась. Теперь, видимо, обнаружив свободные уши, решила излить в них все накопившееся.

Катя смущенно отводит взгляд. Опять что-то отвечает, будто нарочно тихо, чтобы я не подслушивал.

— Да где этот твой жених? Мужчина сам должен свою женщину оберегать, а не перекладывать эту обязанность на других. Раз уж взял ответственность, пусть несет до конца.

Страхнув воду с рук, спешу обратно. Разговор заходит совсем не в то русло. По пути хватаю кружку из летней кухни. Когда выхожу, бабуля уже держит Катю за руки и говорит что-то ласковое, пока та часто моргает.

Сажусь рядом с Катей, оставляя ее рядом с бабушкой. Девчонка бросает на меня смущенный взгляд. Он мимолетный, но я успеваю утонуть в ее глазах. А еще замечаю странный блеск.

— ...Это все ничего. Вот прогуляетесь вдоль леса, потом к речке сходите — голова и проветрится, — говорит бабуля и заботливо гладит Катину щеку. Обычно она не такая добрая, и это меня немного беспокоит. Как ей объяснить, что Катя — это точно не та девушка, с которой меня надо сватать. — Стасик, ты почему еще ничего тут Катеньке не показал?

Потому что это выходит за рамки работы. Потому что я не хочу сближаться. Потому что я и правда недолюбленный, и эти крохи заботы, которые излучает Катя, уже кажутся мне чем-то сверхъестественным. Ни одна женщина не делала для меня ничего просто так. Обычно нужно было прыгнуть выше головы и доказать, что достоин. Задарить подарками, устроить незабываемые свидания. Катя же не требует вообще ничего, и только этим рушит мои установки.

А еще ради нее хочется прыгнуть. Но не чтобы показать свою крутость, а чтобы просто отдать ей хотя бы половину от того, что она, даже не догадываясь, дала мне.

Поэтому я проглатываю все возмущения с куском пирожка и киваю, не в силах сопротивляться двум женщинам.

— Покажу.

17

Мы идем на речку пешком. Стас молчит всю дорогу, только оборачивается, чтобы проверить, иду я за ним или нет. Вчера мы целый день провели в компании его бабушки — прекраснейшей женщины, которой и помочь было в радость. Мы разобрались с грибами, помогли снять и повесить занавески (видимо, в Борино это мое любимое занятие), а еще Стас здорово потрудился в огороде, пока мы готовили ужин.

Это было так семейно и по-домашнему, что я поплакала, когда мы пришли домой. Мне в жизни повезло меньше, и из родственников у меня только дяди и тети, с которыми мы общаемся нечасто. И иногда мне не хватает такого тепла. Как и места, куда можно приехать, зная, что тебя примут любой.

С бабушкой Томой мы разговорились по душам. Я не заметила, как вывалила ей все о себе, а она только крепко обняла меня и сказала, что все обязательно наладится, если слушать сердце, а не пытаться быть рассудительной. «Сила женщины в умении обратиться к чувствам».

Но, конечно, сразу идти по тому пути, который указали, не получается. За одну ночь и разговор по душам жизнь не перестраивают. Это в фильмах и книгах все просто: стоит героям встретиться, и вот они готовы бросать привычную жизнь, чтобы следовать за второй половиной. Я же пока могу только облегченно вздохнуть, когда Витя не берет трубку.

Потому что, чем дальше мы друг от друга, тем чаще я задумываюсь, правильно ли поступаю, соглашаясь на брак.

Все утро жила с этим вопросом. Действительно ли стоит выходить за Виктора? У нас никогда не было общих интересов. Даже когда мы вместе — преимущественно едим и смотрим что-то. Пару раз ездили на отдых, там ходили, рассуждали о красотах города и свободе моря. Обычные дежурные разговоры, которые ведутся между малознакомыми людьми.

Боже, мы почти никогда не говорили о серьезном! На все мои мечты и стремления Виктор снисходительно отмахивался, считая их амбициями молодости. Я же не воспринимала за руководство к действию его планы по обустройству семейного гнезда.

Как мы вообще продержались так долго?

— Смотри под ноги внимательнее, дорожки до речки нет, пойдем по траве, — голос Стаса вырывает меня из размышлений.

Сходить к реке он предложил утром, когда мы встретились за завтраком во дворе. Он принес пирожки и кружку, а я пожарила яичницу и заварила чай. После вчерашнего мы сделали огромный шаг навстречу друг другу, а это ведь хороший знак? Тем более если учесть, что Витя не выходит на связь и дата моего возвращения до сих пор не обозначена.

— Когда-то давно здесь была тропинка. Видимо, заросла, — комментирует мой телохранитель. — На том дереве раньше висела тарзанка, мы прыгали с нее в воду в детстве. Было весело.

— А сейчас прыгнул бы? — спрашиваю весело, представляя Стаса ныряющим в воду. Это представление достойно отдельного видеоролика, и я как раз взяла с собой телефон.

Достаю его из кармана и снимаю ролик. Тут красиво: лето, деревня, сочная зелень, блестящая под солнцем речка вдалеке. Такие пейзажи обычно рисовали на картинах. У папы на даче их полным-полно. И я невольно проникаюсь, возвращаясь в свое детство.

— Нет, — холодно и резко отвечает Стас, и я даже не пытаюсь развить разговор дальше. Молча иду, смотрю по сторонам и иногда делаю фотки.

Возле речки небольшой песчаный пляж. Вряд ли его сделали жители. Скорее всего, обмелела река, и теперь вместо воды бледный горячий песок, на котором не растут даже колючки.

Я снимаю тапочки сразу же, ощущаю жар в стопах, но продолжаю идти босиком.

Стас бросает рюкзак почти возле берега и поворачивается ко мне. Молча скользит взглядом по моему телу. На мне сегодня сарафан на широких бретельках. Под ним — черное трикотажное белье. Я не взяла с собой купальник, не думала, что он вообще мне понадобится, поэтому утром пришлось напрягать фантазию и искать в сумке с вещами трусы и лифчик одного цвета.

— Речка только кажется маленькой. На самом деле там сильное течение, поэтому плавай только там, где ноги касаются дна. Иначе может унести, — комментирует Стас и, сняв тапочки, садится на них.

— Ты не пойдешь купаться? — удивляюсь, потому что у него на лбу выступила испарина. И вообще сегодня так печет, что не мешало бы освежиться.

— Не хочу, — он морщит нос. — Иди аккуратно. Дно должно быть чистым, но на всякий случай проверяй, прежде чем переносить весь вес на стопу.

Конечно. Никакого джентльменства. Хотя мог бы и сам проверить все, что нужно.

Закатываю глаза. Оставляю свой рюкзак в метре от Стаса. Снимаю сарафан одним движением. Солнце тут же прилипает к незагоревшей коже. Уже середина лета, а я ни разу даже в бассейне не была, не то что где-то в отпуске. Выпускные экзамены и работа заняли все свободное время.

В некоторых местах кожу жжет сильнее, и мне не нужно смотреть на Стаса, чтобы понять, что это его взгляд вызывает в теле подобную реакцию. Он гипнотизирует мою спину, пока я иду к воде. И я стараюсь шагать элегантнее, будто не по деревне гуляю, а по подиуму. Зачем? Черт его знает. Наверное, хочется впечатлить вечно недовольного солдафона. А еще жадно урвать хотя бы крупницы внимания, потому что у Стаса оно какое-то особенное. Он когда на меня смотрит, я в лужу растечься готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.